

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков

Письма правительству СЕКРЕТАРЮ ЦИК СОЮЗА ССР АВЕЛЮ СОФРОНОВИЧУ ЕНУКИДЗЕ

Ввиду того, что абсолютная неприемлемость моих произведений для советской общественности очевидна, ввиду того, что совершившееся полное запрещение моих произведений в СССР обрекает меня на гибель, ввиду того, что уничтожение меня как писателя уже повлекло за собой материальную катастрофу (отсутствие у меня сбережений, невозможность платить налог и невозможность жить, начиная со следующего месяца, могут быть документально доказаны).

При безмерном утомлении, бесплодности всяких попыток обращаюсь в верховный орган Союза – Центр. Исполнительный Комитет СССР и прошу разрешить мне вместе с женою моей Любовию Евгениевной Булгаковой выехать за границу на тот срок, который Правительство Союза найдет нужным назначить мне. Михаил Афанасьевич Булгаков (автор пьес «Дни Турбиных», «Бег» и других)
3.IX.1929 г.
Москва.

А. М. ГОРЬКОМУ

3.IX.1929 г.

Многоуважаемый
Алексей Максимович!

Я подал Правительству СССР прошение о том, чтобы мне с женой разрешили покинуть пределы СССР на тот срок, какой мне будет назначен.

Прошу Вас, Алексей Максимович, поддержать мое ходатайство. Я хотел в подробном письме изложить Вам все, что происходит со мной, но мое утомление, безнадежность безмерны. Не могу ничего писать.

Все запрещено, я разорен, затравлен, в полном одиночестве.

Зачем держать писателя в стране, где его произведения не могут существовать? Прошу о гуманной резолюции – отпустить меня.

Уважающий Вас М. Булгаков

Убедительно прошу уведомить меня о получении этого письма.

28.IX.1929 г.

Многоуважаемый

Алексей Максимович!

Евгений Иванович Замятин сообщил мне, что Вы мое письмо получили, но что Вам желательно иметь копию его.

Копии у меня нет, письмо же мое было приблизительно такого содержания:

«Я подал через А. И. Свидерского Правительству СССР заявление, в котором прошу обратить внимание на мое невыносимое положение и разрешить мне вместе с женою моей Любовию Евгениевной Булгаковой выехать в отпуск за границу на тот срок, который Правительству будет угодно мне назначить.

Я хотел написать Вам подробно о том, что со мною происходит, но безмерная моя усталость уже не дает мне работать.

Одно могу сказать: зачем задерживают в СССР писателя, произведения которого

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
существовать в СССР не могут? Чтобы обречь его на гибель?

Прошу о гуманной резолюции – отпустить меня. Вас убедительно прошу ходатайствовать за меня.

Прошу не отказать в любезности сообщить, получено ли Вами это письмо».

К этому письму теперь мне хотелось бы добавить следующее:

Все мои пьесы запрещены,

нигде ни одной строки моей не напечатают,

никакой готовой работы у меня нет, ни копейки авторского гонорара ниоткуда не поступает,

ни одно учреждение, ни одно лицо на мои заявления не отвечает,

словом – все, что написано мной за 10 лет работы в СССР, уничтожено. Остается уничтожить последнее, что осталось – меня самого. Прошу вынести гуманное решение – отпустить меня!

Уважающий Вас

М. Булгаков

ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР

Михаила Афанасьевича Булгакова

(Москва, Б. Пироговская, 35-а, к. 6)

я обращаюсь к Правительству СССР со следующим письмом:

1

После того, как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет:

Сочинить «коммунистическую пьесу» (в кавычках я привожу цитаты), а кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать, как преданный идее коммунизма писатель-попутчик.

Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.

Этого совета я не послушался. Навряд ли мне удалось бы предстать перед Правительством СССР в выгодном свете, написав лживое письмо, представляющее собой неопрятный и к тому же наивный политический курбет. Попыток же сочинить коммунистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса у меня не выйдет.

Созревшее во мне желание прекратить мои писательские мучения заставляет меня обратиться к Правительству СССР с письмом правдивым.

2

Произведя анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных – было 3, враждебно-ругательных – 298.

Последние 298 представляют собой зеркальное отражение моей писательской жизни.

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Героя моей пьесы «Дни Турбиных» Алексея Турбина печатно в стихах называли «СУКИНЫМ СЫНОМ», а автора пьесы рекомендовали как «одержимого СОБАЧЬЕЙ СТАРОСТЬЮ». Обо мне писали, как о «литературном УБОРЩИКЕ, подбирающем объедки после того, как НАБЛЕВАЛА дюжина гостей».

Писали так:

«...МИШКА Булгаков, кум мой, ТОЖЕ, ИЗВИНИТЕ ЗА ВЫРАЖЕНИЕ, ПИСАТЕЛЬ, В ЗАЛЕЖАЛОМ МУСОРЕ шарит... Что это, спрашиваю, братишечка, МУРЛО у тебя... Я человек деликатный, возьми да и ХРЯСНИ ЕГО ТАЗОМ ПО ЗАТЫЛКУ... Обывателю мы без Турбиных вроде как БЮСТГАЛЬТЕР СОБАКЕ без нужды... Нашелся СУКИН СЫН, НАШЕЛСЯ ТУРБИН, ЧТОБ ЕМУ НИ СБОРОВ, НИ УСПЕХА...» («Жизнь ИСКУССТВА», № 44 – 1927 г.).

Писали «О Булгакове, который чем был, тем и останется, НОВОБУРЖУАЗНЫМ ОТРОДЬЕМ, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы». («Комс. правда», 14/Х – 1926 г.).

Сообщали, что мне нравится «АТМОСФЕРА СОБАЧЬЕЙ СВАДЬБЫ вокруг какой-нибудь рыжей жены приятеля» (А. Луначарский, «Известия», 8/Х – 1926 г.), и что от моей пьесы «Дни Турбиных» идет «ВОНЬ» (Стенограмма совещания при Агитпропе в мае 1927 г.), и так далее, и так далее...

Спешу сообщить, что цитирую я отнюдь не с тем, чтобы жаловаться на критику или вступать в какую бы то ни было полемику. Моя цель – гораздо серьезнее.

Я доказываю с документами в руках, что вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и с НЕОБЫКНОВЕННОЙ ЯРОСТЬЮ доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать.

И я заявляю, что пресса СССР СОВЕРШЕННО ПРАВА.

3

Отправной точкой этого письма для меня послужит мой памфлет «Багровый Остров».

Вся критика СССР, без исключений, встретила эту пьесу заявлением, что она «бездарна, беззуба, убога» и что она представляет «пасквиль на революцию».

Единодушие было полное, но нарушено оно было внезапно и совершенно удивительно.

В № 12 «Реперт. Бюлл.» (1928 г.) появилась рецензия П. Новицкого, в которой было сообщено, что «Багровый Остров» – «интересная и остроумная пародия», в которой «встает зловещая тень Великого Инквизитора, подавляющего художественное творчество, культивирующего РАБСКИЕ ПОДХАЛИМСКИ-НЕЛЕПЫЕ ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ ШТАМПЫ, стирающего личность актера и писателя», что в «Багровом Острове» идет речь о «зловещей мрачной силе, воспитывающей ИЛОТОВ, ПОДХАЛИМОВ И ПАНЕГИРИСТОВ...».

Сказано было, что «если такая мрачная сила существует, НЕГОДОВАНИЕ И ЗЛОЕ ОСТРОУМИЕ ПРОСЛАВЛЕННОГО БУРЖУАЗИЕЙ ДРАМАТУРГА ОПРАВДАНО».

Позволительно спросить – где истина?

Что же такое, в конце концов, – «Багровый Остров»? – «Убогая, бездарная пьеса» или это «остроумный памфлет»?

Истина заключается в рецензии Новицкого. Я не берусь судить, насколько моя пьеса остроумна, но я сознаюсь в том, что в пьесе действительно встает зловещая тень и это тень Главного Репертуарного Комитета. Это он воспитывает илотов, панегиристов и запуганных «услужающих». Это он убивает творческую мысль. Он губит советскую драматургию и погубит ее.

Я не шепотом в углу выражал эти мысли. Я заключил их в драматургический памфлет и поставил этот памфлет на сцене. Советская пресса, заступаясь за Главрепертком, написала, что «Багровый Остров» – пасквиль на революцию. Это несерьезный лепет. Пасквиля на революцию в пьесе нет по многим причинам, из которых, за недостатком

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
места, я укажу одну: пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной
грандиозности ее, написать НЕВОЗМОЖНО. Pamфлет не есть пасквиль, а Главрепертком
– не революция.

Но когда германская печать пишет, что «Багровый Остров» – это «первый в СССР
призыв к свободе печати» («Молодая гвардия», № 1 – 1929 г.), – она пишет правду.
Я в этом сознаюсь. Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти
она ни существовала, мой писательский долг, так же как и призывы к свободе
печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из
писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе,
публично уверяющей, что ей не нужна вода.

4

Вот одна из черт моего творчества, и ее одной совершенно достаточно, чтобы мои
произведения не существовали в СССР. Но с первой чертой в связи все остальные,
выступающие в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (я –
МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта,
яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного
процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему
излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное – изображение страшных черт
моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие
страдания моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Нечего и говорить, что пресса СССР и не подумала серьезно отметить все это,
занятая малоубедительными сообщениями о том, что в сатире М. Булгакова –
«КЛЕВЕТА».

Один лишь раз, в начале моей известности, было замечено с оттенком как бы
высокомерного удивления:

«М. Булгаков ХОЧЕТ стать сатириком нашей эпохи» («Книгоноша», № 6 – 1925 г.).

Увы, глагол «хотеть» напрасно взят в настоящем времени. Его надлежит перевести в
плюсквамперфектум: М. Булгаков СТАЛ САТИРИКОМ и как раз в то время, когда
никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно
немыслима.

Не мне выпала честь выразить эту криминальную мысль в печати. Она выражена с
совершеннейшей ясностью в статье В. Блюма (№ 6 «Лит. газ.»), и смысл этой статьи
блестяще и точно укладывается в одну формулу:

ВСЯКИЙ САТИРИК В СССР ПОСЯГАЕТ НА СОВЕТСКИЙ СТРОЙ.

Мыслим ли я в СССР?

5

И наконец, последние мои черты в погубленных пьесах «Дни Турбиных», «Бег» и в
романе «Белая гвардия»: упорное изображение русской интеллигенции, как лучшего
слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи,
волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы гражданской войны "в
лагерь белой гвардии, в традициях «Войны и Мира». Такое изображение вполне
естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией.

Но такого рода изображения приводят к тому, что автор их в СССР, наравне со
своими героями, получает – несмотря на свои великие усилия СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД
КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ – аттестат белогвардейца-врага, а получив его, как всякий
понимает, может считать себя конченным человеком в СССР.

6

Мой литературный портрет закончен, и он же есть политический портрет. Я не могу
сказать, какой глубины криминал можно отыскать в нем, но я прошу об одном: за
пределами его не искать ничего. Он исполнен совершенно добросовестно.

7

Ныне я уничтожен.

Уничтожение это было встречено советской общественностью с полной радостью и названо «ДОСТИЖЕНИЕМ».

Р. Пикель, отмечая мое уничтожение («Изв.», 15/IX – 1929 г.), высказал либеральную мысль:

«Мы не хотим этим сказать, что имя Булгакова вычеркнуто из списка советских драматургов».

И обнадежил зарезанного писателя словами, что «речь идет о его прошлых драматургических произведениях».

Однако жизнь, в лице Главреперткома, доказала, что либерализм Р. Пикеля ни на чем не основан.

18 марта 1930 года я получил из Главреперткома бумагу, лаконически сообщавшую, что не прошлая, а новая моя пьеса «Кабала святош» («Мольер») К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ НЕ РАЗРЕШЕНА.

Скажу коротко: под двумя строчками казенной бумаги погребены – работа в книгохранилищах, моя фантазия, пьеса, получившая от квалифицированных театральных специалистов бесчисленные отзывы, – блестящая пьеса.

Р. Пикель заблуждается. Погибли не только мои прошлые произведения, но и настоящие и все будущие. И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе, черновик комедии и начало второго романа «Театр».

Все мои вещи безнадежны.

8

Я прошу Советское Правительство принять во внимание, что я не политический деятель, а литератор, и что всю мою продукцию я отдал советской сцене.

Я прошу обратить внимание на следующие два отзыва обо мне в советской прессе.

Оба они исходят от непримиримых врагов моих произведений, и поэтому они очень ценны.

В 1925 году было написано:

«Появляется писатель, НЕ РЯДЯЩИЙСЯ ДАЖЕ В ПОПУТНИЧЕСКИЕ ЦВЕТА» (Л. Авербах, «Изв.», 20/IX – 1925 г.).

А в 1929 году:

«Талант его столь же очевиден, как и социальная реакционность его творчества» (Р. Пикель, «Изв.», 15/IX – 1929 г.).

Я прошу принять во внимание, что невозможность писать равносильна для меня погребению заживо.

9

Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЫ БУЛГАКОВОЙ.

10

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно отпустить на свободу.

11

Если же и то, что я написал, неубедительно и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера.

Я именно и точно и подчеркнуто прошу О КАТЕГОРИЧЕСКОМ ПРИКАЗЕ, О КОМАНДИРОВАНИИ, потому что все мои попытки найти работу в той единственной области, где я могу быть полезен СССР, как исключительно квалифицированный специалист, потерпели полное фиаско. Мое имя сделано настолько одиозным, что предложения работы с моей стороны встретили ИСПУГ, несмотря на то, что в Москве громадному количеству актеров и режиссеров, а с ними и директорам театров, отлично известно мое виртуозное знание сцены.

Я предлагаю СССР совершенно честного, без всякой тени вредительства, специалиста – режиссера и актера, который берется добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шекспировских пьес и вплоть до пьес сегодняшнего дня.

Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный Театр – в лучшую школу, возглавляемую мастерами К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко.

Если меня не назначат режиссером, я прошу на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя – я прошу на должность рабочего сцены.

Если же и это невозможно, я прошу Советское Правительство поступить со мной, как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо, В ДАННЫЙ МОМЕНТ, – нищета, улица и гибель.

М. Булгаков

Москва,

28 марта 1930 года.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ВКП(б) И. В. СТАЛИНУ

О, муза! Наша песня спета...

И музе возвращу я голос,

И вновь блаженные часы

Ты обретешь, собирая колос

С своей несжатой полосы.

Некрасов

Вступление

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович! Около полутора лет прошло с тех пор, как я замолк. Теперь, когда я чувствую себя очень тяжело больным, мне хочется просить Вас стать моим первым читателем... [начало 1931 г.]

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)

ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

«Чем далее, тем более усиливалось во мне желание быть писателем современным. Но я видел в то же время, что, изображая современность, нельзя находиться в том высоко настроенном и спокойном состоянии, какое необходимо для проведения большого и стройного труда.

Настоящее слишком живо, слишком шевелит, слишком раздражает; перо писателя нечувствительно переходит в сатиру. [1]

...мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвование и что именно для службы моей отчизне я должен буду воспитаться где-то вдали от нее.

...я знал только то, что еду вовсе не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорей чтобы натерпеться, точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от нее».

Н. Гоголь

Я горячо прошу Вас ходатайствовать за меня перед Правительством СССР о направлении меня в заграничный отпуск на время с 1 июля по 1 октября 1931 года.

Сообщаю, что после полутора лет моего молчания с неудержимой силой во мне загорелись новые творческие замыслы, что замыслы эти широки и сильны, и я прошу Правительство дать мне возможность их выполнить.

С конца 1930 года я хвораю тяжелой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикончен.

Во мне есть замыслы, но физических сил нет, условий, нужных для выполнения работы, нет никаких.

Причина болезни моей мне отчетливо известна:

На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашенный ли волк, стриженный ли волк, он все равно не похож на пуделя.

Со мной и поступили как с волком. И несколько лет гнали меня по правилам литературной садки в огороженном дворе.

Злобы я не имею, но я очень устал и в конце 1929 года свалился. Ведь и зверь может устать.

Зверь заявил, что он более не волк, не литератор. Отказывается от своей профессии. Умолкает. Это, скажем прямо, малодушие.

Нет такого писателя, чтобы он замолчал. Если замолчал, значит, был не настоящий.

А если настоящий замолчал – погибнет.

Причина моей болезни – многолетняя затравленность, а затем молчание.

За последний год я сделал следующее:

несмотря на очень большие трудности, превратил поэму Н. Гоголя «Мертвые души» в пьесу

работал в качестве режиссера МХТ на репетициях этой пьесы

работал в качестве актера, играя за заболевших актеров в этих же репетициях

был назначен в МХТ режиссером во все кампании и революционные празднества этого

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

года

служил в ТРАМе – Московском, переключаясь с дневной работы МХАТОВСКОЙ на вечернюю ТРАМОВСКУЮ

ушел из ТРАМа 15.III.31 года, когда почувствовал, что мозг отказывается служить и что пользы ТРАМу не приношу

взялся за постановку в театре Санпросвета (и закончу ее к июлю).

А по ночам стал писать.

Но надорвался.

Я переутомлен.

Сейчас все впечатления мои однообразны, замыслы повиты черным, я отравлен тоской и привычной иронией.

В годы моей писательской работы все граждане беспартийные и партийные внушали и внушили мне, что с того самого момента, как я написал и выпустил первую строчку, и до конца моей жизни я никогда не увижу других стран.

Если это так – мне закрыт горизонт, у меня отнята высшая писательская школа, я лишен возможности решить для себя громадные вопросы. Привита психология заключенного.

Как воспою мою страну – СССР?

Перед тем, как писать Вам, я взвесил все. Мне нужно видеть свет и, увидев его; вернуться. Ключ в этом.

Сообщаю Вам, Иосиф Виссарионович, что я очень серьезно предупрежден большими деятелями искусства, ездившими за границу, о том, что там мне оставаться невозможно.

Меня предупредили о том, что в случае, если Правительство откроет мне дверь, я должен быть сугубо осторожен, чтобы как-нибудь нечаянно не захлопнуть за собой эту дверь и не отрезать путь назад, не получить бы беды похуже запрещения моих пьес.

По общему мнению всех, кто серьезно интересовался моей работой, я невозможен ни на какой другой земле, кроме своей – СССР, потому что 11 лет черпал из нее.

К таким предупреждениям я чуток, а самое веское из них было от моей побывавшей за границей жены, заявившей мне, когда я просился в изгнание, что она за рубежом не желает оставаться и что я погибну там от тоски менее чем в год.

(Сам я никогда в жизни не был за границей. Сведение о том, что я был за границей, помещенное в Большой Советской Энциклопедии, – неверно.)

«Такой Булгаков не нужен советскому театру», – написал нравоучительно один из критиков, когда меня запретили.

Не знаю, нужен ли я советскому театру, но мне советский театр нужен, как воздух.

Прошу Правительство СССР отпустить меня до осени и разрешить моей жене Любове Евгениевне Булгаковой сопровождать меня. О последнем прошу потому, что серьезно болен. Меня нужно сопровождать близкому человеку. Я страдаю припадками страха в одиночестве.

Если нужны какие-нибудь дополнительные объяснения к этому письму, я их дам тому лицу, к которому меня вызовут.

Но, заканчивая письмо, хочу сказать Вам, Иосиф Виссарионович, что писательское

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
мое мечтание заключается в том, чтобы быть вызванным лично к Вам.

Поверьте, не потому только, что вижу в этом самую выгодную возможность, а потому, что Ваш разговор со мной по телефону в апреле 1930 года оставил резкую черту в моей памяти.

Вы сказали: «Может быть, вам действительно нужно ехать за границу...»

Я не избалован разговорами. Тронутый этой фразой, я год работал не за страх режиссером в театрах СССР.

М. Булгаков

30.V.1931

Москва

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

от драматурга и режиссера

МХАТ СССР имени Горького

Михаила Афанасьевича

Булгакова

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Разрешите мне сообщить Вам о том, что со мною произошло:

1

В конце апреля сего года мною было направлено Председателю Правительственной Комиссии, управляющей Художественным Театром, заявление, в котором я испрашивал разрешение на двухмесячную поездку за границу, в сопровождении моей жены Елены Сергеевны Булгаковой.

В этом заявлении была указана цель моей поездки – я хотел сочинить книгу о путешествии по Западной Европе (с тем, чтобы по возвращении предложить ее для напечатания в СССР).

А так как я действительно страдаю истощением нервной системы, связанным с боязнью одиночества, то я и просил о разрешении моей жене сопровождать меня, с тем, чтобы она оставила здесь на два месяца находящегося на моем иждивении и воспитании моего семилетнего пасынка.

Отправив заявление, я стал ожидать одного из двух ответов, то есть разрешения на поездку или отказа в ней, считая, что третьего ответа не может быть.

Однако произошло то, чего я не предвидел, то есть третье.

17 мая мне позвонили по телефону, причем произошел следующий разговор:

– Вы подавали заявление относительно заграничной поездки?

– Да.

– Отправьтесь в Иностраный Отдел Мосгубисполкома и заполните анкету Вашу и Вашей жены.

– Когда это нужно сделать?

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

– Как можно скорее, так как Ваш вопрос будет разбираться 21 или 22 числа.

В припадке радости я даже не справился о том, кто со мною говорит, немедленно явился с женой в ИНО Исполкома и там отрекомендовался. Служащий, выслушав, что меня вызвали в ИНО по телефону, предложил мне подождать, вышел в соседнюю комнату, а, вернувшись, попросил меня заполнить анкеты.

По заполнении он принял их, присоединив к ним по две фотографических карточки, денег не принял, сказавши:

– Паспорта будут бесплатные.

Советских паспортов не принял, сказавши:

– Это потом, при обмене на заграничные.

А затем добавил буквально следующее:

– Паспорта вы получите очень скоро, так как относительно вас есть распоряжение. Вы могли бы их получить сегодня, но уже поздно. Позвоните ко мне восемнадцатого утром.

Я сказал:

– Но восемнадцатого выходной день.

Тогда он ответил:

– Ну, девятнадцатого.

19 мая утром, в ответ на наш звонок, было сказано так:

– Паспортов еще нет. Позвоните к концу дня. Если паспорта будут, вам их выдаст паспортистка.

После звонка к концу дня выяснилось, что паспортов нет, и нам было предложено позвонить 23 числа.

23 мая я лично явился с женой в ИНО, причем узнал, что паспортов нет. Тут о них служащий стал наводить справку по телефону, а затем предложил позвонить 25 или 27 мая.

Тогда я несколько насторожился и спросил служащего, точно ли обо мне есть распоряжение и не ослышался ли я 17 мая?

На это мне было отвечено так:

– Вы сами понимаете, я не могу вам сказать, чье это распоряжение, но распоряжение относительно вас и вашей жены есть, так же как и относительно писателя Пильняка.

Тут уж у меня отпали какие бы то ни было сомнения, и радость моя сделалась безграничной.

Вскоре последовало еще одно подтверждение о наличии разрешения для меня. Из Театра мне было сообщено, что в секретариате ЦИК было сказано:

– Дело Булгаковых устроивается.

В это время меня поздравляли с тем, что многолетнее писательское мечтание о путешествии, необходимом каждому писателю, исполнилось.

Тем временем в ИНО Исполкома продолжались откладывания ответа по поводу паспортов со дня на день, к чему я уже относился с полным благодушием, считая, что сколько бы ни откладывали, а паспорта будут.

7 июня курьер Художественного Театра поехал в ИНО со списком артистов, которые должны получить заграничные паспорта. Театр любезно ввел и меня с женой в этот

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
список, хотя я подавал свое заявление отдельно от Театра.

Днем курьер вернулся, причем даже по его растерянному и сконфуженному лицу я увидел, что случилось что-то.

Курьер сообщил, что паспорта даны артистам, что они у него в кармане, а относительно меня и моей жены сказал, что нам в паспортах ОТКАЗАНО.

На другой же день, без всякого замедления, в ИНО была получена справка о том, что гражданину Булгакову М. А. в выдаче разрешения на право выезда за границу отказано.

После этого, чтобы не выслушивать выражений сожаления, удивления и прочего, я отправился домой, понимая только одно, что я попал в тягостное, смешное, не по возрасту положение.

2

Обида, нанесенная мне в ИНО Мособлисполкома, тем серьезнее, что моя четырехлетняя служба в МХАТ для нее никаких оснований не дает, почему я и прошу Вас о заступничестве.

[10 июня 1934 г.]

ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ

от драматурга

Михаила Афанасьевича

Булгакова

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Разрешите мне обратиться к Вам с просьбой, касающейся драматурга Николая Робертовича Эрдмана, отбывшего полностью трехлетний срок своей ссылки в городах Енисейске и Томске и в настоящее время проживающего в г. Калинин.

Уверенный в том, что литературные дарования чрезвычайно ценны в нашем отечестве, и зная в то же время, что литератор Н. Эрдман теперь лишен возможности применить свои способности вследствие создавшегося к нему отрицательного отношения, получившего резкое выражение в прессе, я позволяю себе просить Вас обратить внимание на его судьбу.

Находясь в надежде, что участь литератора Н. Эрдмана будет смягчена, если Вы найдете нужным рассмотреть эту просьбу, я горячо прошу о том, чтобы Н. Эрдману была дана возможность вернуться в Москву, беспрепятственно трудиться в литературе, выйдя из состояния одиночества и душевного угнетения.

М. Булгаков

Москва, 4 февраля 1938 года

письма П. С. Попову (1931–1940 гг.)

Из Москвы в Тарлево

Ленинградской обл.

26 октября 1931 года

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Дорогой Павел Сергеевич, только что получил Ваше письмо от 24.X. Очень обрадовался.

Во-первых, все-таки, в «десятках экземпляров», а не «экземпляр ... ах». Ах, будьте упрямы и пишите, как писали до сих пор!

Но «ов» ли, «ах» ли, нет десятков! Мало отпечатал. Несмотря на это, приложу все старания к тому, чтобы Вас ознакомить с этим безмерно утомившим меня произведением искусства.

Второе: убили Вы меня бумагой, на которой пишете! Ай, хороша бумага! И вот, изволисте ли видеть, на какой Вам приходится отвечать! Да еще карандашом. Чернила у меня совершенно несносные. И я бы на месте Михаила Васильевича в том же письме к генералу-поручику И. И. Шувалову воспел вместе со стеклом за компанию и письменные принадлежности.

«Не меньше польза в них,

Не меньше в них краса!»

А мне, ох, как нужны они. На днях вплотную придется приниматься за гениального деда Анны Ильиничны. Вообще дел сверх головы, а ничего не успеваешь, и по пустякам разбиваешься, и переписка запущена позорно. Переутомление, проклятые житейские заботы!

Собирался вчера уехать в Ленинград, пользуясь паузой в МХТ, но получил открытку, в коей мне предлагается явиться в Военный Комиссариат. Полагаю, что это переосвидетельствование. Надо полагать, что придется сидеть, как я уже сидел весною, в одном белье и отвечать комиссии на вопросы, не имеющие никакого отношения ни к Мольеру, ни к парикам, ни к шпагам, испытывая чувство тяжелой тоски. О, Праведный Боже, до чего же я не нужен ни в каких комиссариатах. Надеюсь, впрочем, что станет ясно, что я мыслим только на сцене, и дадут мне чистую и отпустят вместе с моим больным телом и душу на покаяние!

Думаю перенести поездку в Ленинград на ноябрь.

В Вашем письме нет адреса. Позвонил Тате, и та сказала что-то, что не внушает доверия: Тярлево? Есть такое место? Ну, что ж поделаешь, пишу в Тярлево.

Если у Вас худо с финансами, я прошу Вас телеграфировать мне.

Коля живет пристойно, но простудился на днях.

«Мольер» мой получил литеру «Б» (разрешение на повсеместное исполнение).

Привет Анне Ильиничне! От Любви Евгеньевны привет!

Жду Вашего ответа, адреса, жму руку.

Ваш М. Булгаков.

Б. Пироговская, 35а, кв. 6 (как совершенно справедливо Вы и пишете).

Из Москвы в Ленинград

25 января 1932 года

Дорогой Павел Сергеевич!

Вот, наконец-то, пишется ответ на Ваше последнее письмо. Бессонница, ныне верная подруга моя, приходит на помощь и водит пером. Подруги, как известно, изменяют. О, как желал бы я, чтобы эта изменила мне!

Итак, дорогой друг, чем закусывать, спрашиваете Вы? Ветчиной. Но этого мало. Закусывать надо в сумерки, на старом потертом диване, среди старых и верных вещей. Собака должна сидеть на полу у стула, а трамваи слышаться не должны.

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Сейчас шестой час утра, и вот они уже воют, из парка расходятся. Содрогается мое проклятое жилье. Впрочем, не буду гневить судьбу, а то летом, чего доброго, и его лишишься – кончается контракт.

Впервые ко мне один человек пришел, осмотрелся и сказал, что у меня в квартире живет хороший домовой. Надо полагать, что ему понравились книжки, кошка, горячая картошка. Он ненаблюдателен. В моей яме живет скверная компания: бронхит, ревматизм и черная дамочка – Нейрастения. Их выселить нельзя. Дудки! От них нужно уехать самому.

Куда?

Куда, Павел Сергеевич?

Впрочем, полагаю, что такое письмо Вам радости не доставит, и перехожу к другим сообщениям.

Вы уже знаете? Дошло к Вам в Ленинград и Тярлево? Нет? Извольте:

15 января днем мне позвонили из театра и сообщили, что «Дни Турбиных» срочно возобновляются. Мне неприятно признаться: сообщение меня раздавило. Мне стало физически нехорошо. Хлынула радость, но сейчас же и моя тоска. Сердце, сердце!

Предшествовал телефону в то утро воистину колдовской знак. У нас новая домработница, девица лет 20-ти, похожая на глобус. С первых же дней обнаружилось, что она прочно по-крестьянски скупа и расчетлива, обладает дефектом речи и богатыми способностями по счетной части, считает излишним существование на свете домашних животных – собак и кошек («кормить их еще, чертей») и страдает при мысли, что она может опоздать с выходом замуж. Но кроме всего этого в девице заключался какой-то секрет и секрет мучительный. Наконец он открылся: сперва жена моя, а затем я с опозданием догадались – девица оказалась трагически глупа. Глупость выяснилась не простая, а, так сказать, экспортная, приводящая веселых знакомых в восторг. И при этом в венце такого упрямства, какого я еще не видал.

Краткие лекции по разным вопросам, чтение которых принял на себя я, дали блестящие результаты – в головах и у девицы, и у меня сделалось окончательное месиво. Курс драматургии я исключил, сочтя по наивности девицу стоящей вне театра. Но я упустил из виду, что кроме моего университета существует шесть кухонь в нашем доме с Марусями, и Грушами, и Нюшами.

28 января

Продолжаю.

Девица если не полностью курс драматургии, то, во всяком случае, историю драматурга Булгакова в кухне прослушала. И это ей понравилось, ибо драматургия, как известно, родная сестра бухгалтерии.

И в то время как в салоне арендаторши решаются сложнейшие задачи – как и какую финансовую операцию учинить над М. А. Булгаковым ближайшим летом, в кухне бьются над именованными числами попроще: сколько метров ситца можно было бы закупить и включить в состав девицыного приданого, в случае ежели бы пьесы щедрого драматурга пошли...

29 января

Боюсь, что письмо длинно. Но в полном моем одиночестве давно уже ржавеет мое перо, ведь я не совсем еще умер, я хочу говорить настоящими, моими словами!

Итак, 15-го около полудня девица вошла в мою комнату и, без какой бы то ни было связи с предыдущим или последующим, изрекла твердо и пророчески:

– Трубная пьеса ваша пойдёт. Заработаете тыщу. – И скрылась из дому.

А через несколько минут – телефон.

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

С уверенностью можно сказать, что из театра не звонили девице, да и телефонов в кухнях нету. Что же такое? Полагаю – волшебное происшествие.

Далее – Театр. Павел Сергеевич, мою пьесу встретили хорошо, во всех цехах, и смягчилась моя душа!

А далее плеснуло в город. Мать честная, что же это было!

30 января

Было три несчастья. Первое вылилось в формулу: «Поздравляю. Теперь вы разбогатеете!» Раз – ничего. Два – ничего. Но на сотом человеке стало тяжело. А все-таки некультурны мы! Что за способ такой поздравлять!

Тем более что по отношению ко мне на долгий еще срок такого сорта поздравление звучит глупейшим издевательством. Я с ужасом думаю о будущем лете и о квартирном вопросе.

Номер второй: «Я смертельно обижусь, если не получу билета на премьеру». Это казнь египетская.

Третье хуже всего: московскому обывателю оказалось до зарезу нужно было узнать: «Что это значит?!» И этим вопросом они стали истязать меня. Нашли источник! Затем жители города решили сами объяснить, что это значит, видя, что ни автор пьесы, ни кто-либо другой не желает или не может этого объяснить. И они наобъясняли, Павел Сергеевич, такого, что свет померк в глазах.

Кончилось тем, что ко мне ночью вбежал хорошо знакомый человек с острым носом, с большими сумасшедшими глазами. Воскликнул: «Что это значит?!»

– А это значит, – ответил я, – что горожане и, преимущественно, литераторы играют IX главу твоего романа, которую я в твою честь, о великий учитель, инсценировал. Ты же сам сказал: «...в голове кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность в мыслях... вызначилась порода малoverная, ленивая, исполненная беспрерывных сомнений и вечной боязни». Укрой меня своей чугунной шинелью!

И он укрыл меня, и слышал я уже глуше, как шел театральный дождь – и бухала моя фамилия, и «Шаляпин приезжает, и Качалову ногу отрезали!!» (Качалов, точно, болен, но нельзя же все-таки народным артистам ноги отхватывать! А Шаляпин, кажется, не приезжает, и только зря в Большом телефон оборвали. Языки бы им оборвать!)

Ну а все-таки, Павел Сергеевич, что же это значит? Я-то знаю?

Я знаю.

В половине января 1932 года, в силу причин, которые мне неизвестны и в рассмотрение коих я входить не могу, Правительство СССР отдало по МХТ замечательное распоряжение: пьесу «Дни Турбиных» возобновить.

Для автора этой пьесы это значит, что ему – автору – возвращена часть его жизни. Вот и все.

24 февраля

Сегодня получил Вашу открытку от 20.2.1932 г. Нежно благодарю Вас за поздравление! Это письмо, как бы оно не устарело, посылаю Вам, а вслед за ним посылаю дальнейшие. Вот, Вы видите, как я работаю в эпистолярном роде. Мучительно, как будто воз везу! Итак, это письмо посылаю как «Письмо 1-е». Очень прошу мне писать заказными (рядом дом № 35, и неграмотные почтальонши носят туда мои письма). Обязательно напишите, получили ли Вы это.

Анне Ильиничне спасибо за поздравление.

Михаил

Из Москвы в Ленинград

19 марта 1932 года

Дорогой Павел Сергеевич!

Разбиваю письмо на главы. Иначе запутаюсь.

Глава I. Удар финским ножом

Большой Драматический Театр в Ленинграде прислал мне сообщение о том, что Худполитсовет отклонил мою пьесу «Мольер». Театр освободил меня от обязательств по договору.

А) На пьесе литератора «Б» Главреперткома, разрешающая постановку безусловно.

Б) За право постановки театр автору заплатил деньги.

В) Пьеса уже шла в работу.

Что же это такое?

Прежде всего, это такой удар для меня, что описывать его не буду. Тяжело и долго. На апрельскую (примерно) премьеру на Фонтанке я поставил все. Карту убили. Дымом улетело лето... ну, словом, что тут говорить.

О том, что это настоящий удар, сообщаю Вам одному. Не говорите никому, чтобы на этом не сыграли и не причинили бы мне дальнейший вред.

Далее это обозначает, что, к ужасу моему, виза Главреперткома действительна на всех пьесах, кроме моих.

Приятным долгом считаю заявить, что на сей раз никаких претензий к Государственным органам иметь не могу. Виза – вот она. Государство в лице своих контрольных органов не снимало пьесы. И оно не отвечает за то, что театр снимает пьесу.

Кто же снял? Театр? Помилуйте! За что же он 1200 рублей заплатил и гонял члена дирекции в Москву писать со мной договор?

Наконец, грянула информация из Ленинграда. Оказалось, что пьесу снял не Государственный орган. Уничтожил «Мольера» совершенно неожиданный персонаж! Убило «Мольера» частное, неотвечественное, не политическое, кустарное и скромное лицо и по соображениям совершенно не политическим. Лицо это по профессии драматург. Оно явилось в театр и так напугало его, что он выронил пьесу.

Первоначально, когда мне сообщили о появлении драматурга, я засмеялся. Но очень быстро смеяться я перестал. Сомнений, увы, нет. Сообщают разные лица.

Что же это такое?!

Это вот что: на Фонтанке, среди бела дня меня ударили сзади финским ножом при молчаливо стоящей публике. Театр, впрочем, божится, что он кричал «караул», но никто не прибежал на помощь.

Не смею сомневаться, что он кричал, но он тихо кричал. Ему бы крикнуть по телеграфу в Москву, хотя бы в Народный Комиссариат Просвещения.

Сейчас ко мне наклонились два-три сочувствующих лица. Видят: плывет гражданин в своей крови. Говорят: «кричи!» Кричать, лежа, считаю неудобным. Это не драматургическое дело!

Просьба, Павел Сергеевич: может быть Вы видели в ленинградских газетах след этого дела. Примета: какая-то карикатура, возможно, заметки. Сообщите!

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Зачем? Не знаю сам. Вероятно, просто горькое удовольствие еще раз глянуть в лицо подколовшему.

Когда сто лет назад командора нашего русского ордена писателей пристрелили, на теле его нашли тяжелую пушечную рану. Когда через сто лет будут раздевать одного из потомков перед отправкой в далекий путь, найдут несколько шрамов от финских ножей. И все на спине.

Меняется оружие.

Продолжение следует, если не возражаете. Пасмурно у меня на душе.

Ваш М. Булгаков

Из Москвы в Ленинград

27 марта 1932 года

Дорогой Павел Сергеевич!

Глава II. Vous vous trompez! [2]

Нет, нет, дорогой друг, дело не в капитальном строительстве. Пьеса находится не в Александринском (Ак. Драма), а в Большом Драматическом Театре (БДТ) на Фонтанке в № 65.

То есть, вернее, находилась, потому что сейчас она находится в земле.

Похоронил же ее, как я Вам точно сообщаю, некий драматург, о коем мною уже получены многочисленные аттестации. И аттестации эти одна траурнее другой.

Внешне: открытое лицо, работа «под братишку», в настоящее время крейсирует в Москве.

Меня уверяют, что есть надежда, что его догонит в один прекрасный момент государственный корвет, идущий под военным флагом, и тогда флибустьер пойдет ко дну в два счета.

Но у меня этой надежды нисколько нет (источник не солидный уверяет).

Да черт с ним, с флибустьером! Сам он меня не интересует. Для меня есть более важный вопрос: что же это, в конце концов, будет с «Мольером» вне Москвы. Ведь такие плавают в каждом городе.

Да, да, Павел Сергеевич, комплект очень бы хорошо посмотреть! Поясню – январь – февраль 32 г. Наверное «Вечерняя Красная». Там, возможно, найдется кровавый след убийства.

Вот какая напасть. В последние дни, как возьмусь за перо, начинает болеть голова. Устал. Вынужден оставить письмо. Ждите продолжения. Anne Ильиничне привет!

Ваш Михаил

Из Москвы в Ленинград

14 апреля 1932 года

I-e.

Пять часов утра. Не спится. Лежал, беседовал сам с собой, а теперь, дорогой Павел Сергеевич, позвольте побеседовать с Вами.

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Я очень благодарен Вам за выписку. Вот если бы Вы были так добры и извлекли для меня заметку из «Красной газеты» (ноябрь 1931 г.) под заглавием «кто же вы?». Очень был бы признателен Вам – нужно мне полюбоваться на одного человечка.

Старых друзей нельзя забывать – Вы правы. Совсем недавно один близкий мне человек утешил меня предсказанием, что, когда я вскоре буду умирать и позову, то никто не придет ко мне, кроме Черного Монаха. Представьте, какое совпадение. Еще до этого предсказания засел у меня в голове этот рассказ. И страшновато как-то все-таки, если уж никто не придет. Но что же поделаешь, сложилась жизнь моя так.

Теперь уже всякую ночь я смотрю не вперед, а назад, потому что в будущем для себя я ничего не вижу. В прошлом же я совершил пять роковых ошибок. Не будь их, не было бы разговора о Монахе, и самое солнце светило бы мне по-иному, и сочинял бы я, не шевеля беззвучно губами на рассвете в постели, а как следует быть, за письменным столом.

Но теперь уже делать нечего, ничего не вернешь. Проклинаю я только те два припадка нежданной, налетевшей как обморок робости, из-за которой я совершил две ошибки из пяти. Оправдание у меня есть: эта робость была случайна – плод утомления. Я устал за годы моей литературной работы. Оправдание есть, но утешения нет.

15 апреля

Продолжаю!

Итак, усталый, чувствуя, что непременно надо и пора подводить итог, принять все окончательные решения, я все проверяю прошедшую жизнь и вспоминаю, кто же был моим другом. Их так мало. Я помню – Вас, во всяком случае, помню твердо, Павел Сергеевич.

21 апреля

Что это за наказание! Шесть дней пишется письмо! Дьявол какой-то меня заколдовал.

Продолжаю: так вот, в дружелюбные руки примите часть душевного бремени, которое мне уже трудно нести одному.

Это, собственно, не письмо, а заметки о днях... Ну, словом, буду писать Вам о «Турбинных», о «Мольере» и о многом еще. Знаю, что это не светский прием, говорить только о себе, но писать ничего и ни о чем не могу, пока не развяжу свой душевный узел. Прежде всего о «Турбинных», потому что на этой пьесе, как на нити, подвешена теперь вся моя жизнь, и еженощно я воссылаю моления Судьбе, чтобы никакой меч эту нить не перерезал.

Но прежде всего иду на репетицию, а затем буду спать, а уж выпавшись, письмо сочиню. Итак, до следующего письма. Привет Анне Ильинишне!

Ваш М.

Из Москвы в Ленинград

24 апреля 1932 года

II-е.

Дорогой Павел Сергеевич, итак, мои заметки. Я полагаю, что лучше всего будет, если, прочитав, Вы бросите их в огонь. Печка давно уже сделалась моей излюбленной редакцией. Мне нравится она за то, что она, ничего не бракуя, одинаково охотно поглощает и квитанции из прачечной, и начала писем, и даже, о позор, позор, стихи!

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

С детства я терпеть не мог стихов (не о Пушкине говорю, Пушкин – не стихи!), и если сочинял, то исключительно сатирические, вызывая отвращение тетки и горе мамы, которая мечтала об одном, чтобы ее сыновья стали инженерами путей сообщения.

Мне неизвестно, знает ли покойная, что младший стал солистом-балалаечником во Франции, средний ученым-бактериологом все в той же Франции, а старший никем стать не пожелал.

Я полагаю, что она знает. И временами, когда в горьких снах я вижу абажур, клавиши, Фауста и ее (а вижу я ее во сне в последние ночи вот уж третий раз. Зачем меня она тревожит?), мне хочется сказать – поедьте со мною в Художественный Театр. Покажу Вам пьесу. И это все, что могу предьявить. Мир, мама?

Пьеса эта была показана 18 февраля. От Тверской до Театра стояли мужские фигуры и бормотали механически: «Нет ли лишнего билетика?» То же было и со стороны Дмитровки.

В зале я не был. Я был за кулисами, и актеры волновались так, что заразили меня. Я стал перемещаться с места на место, опустели руки и ноги. Во всех концах звонки, то свет ударит в софитах, то вдруг, как в шахте, тьма, и загораятся фонарики помощников, и кажется, что спектакль идет с вертящей голову быстротой. Только что тоскливо пели петлюровцы, а потом взрыв света, и в полутьме вижу, как выбежал Топорков и стоит на деревянной лестнице и дышит, дышит... Наберет воздуху в грудь и никак с ним не расстанется... Стоит тень 18-го года, вымотавшаяся в беготне по лестницам гимназии, и ослабевшими руками расстегивает ворот шинели. Потом вдруг тень ожила, спрятала папаху, вынула револьвер и опять скрылась в гимназии (Топорков играет Мышлаевского первоклассно).

Актеры волновались так, что бледнели под гримом, тело их покрывалось потом, а глаза были замученные, настороженные, выпрашивающие.

Когда возбужденные до предела петлюровцы погнали Николку, помощник выстрелил у моего уха из револьвера и этим мгновенно привел меня в себя. На кругу стало просторно, появилось пианино, и мальчик-баритон запел эпиталаму.

Тут появился гонец в виде прекрасной женщины. У меня в последнее время отточилась до последней степени способность, с которой очень тяжело жить. Способность заранее знать, что хочет от меня человек, подходящий ко мне. По-видимому, чехлы на нервах уже совершенно истрепались, а общение с моей собакой научило меня быть всегда настороже.

Словом, я знаю, что мне скажут, и плохо то, что я знаю, что мне ничего нового не скажут. Ничего неожиданного не будет, все – известно. Я только глянул на напряженно улыбающийся рот и уже знал – будет просить не выходить. Гонец сказал, что Ка-Эс звонил и спрашивает, где я и как я себя чувствую?..

Я просил благодарить – чувствую себя хорошо, а нахожусь я за кулисами и на вызовы не пойду.

О, как сиял гонец! И сказал, что Ка-Эс полагает, что это – мудрое решение. Особенной мудрости в этом решении нет. Это очень простое решение. Мне не хочется ни поклонов, ни вызовов, мне вообще ничего не хочется, кроме того, чтобы я мог брать горячие ванны и не думать каждый день о том, что мне делать с моей собакой, когда в июне кончится квартирный контракт.

Вообще мне ничего решительно не хочется.

Занавес давали 20 раз. Потом актеры и знакомые истязали меня вопросами – зачем не вышел? Что за демонстрация? Выходит так: выйдешь – демонстрация, не выйдешь – тоже демонстрация. Не знаю, не знаю, как быть.

До следующего письма.

Ваш М.

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Анне Ильинишне привет.

Из Москвы в Ленинград

30 апреля 1932 года

Дорогой Павел Сергеевич!

Ваше милое письмо от 26-го я получил. Очень, очень признателен за выписку. После получения ее у меня на столе полный паспорт гражданина Вишневого со всеми особыми приметами. Этот Вс. Вишневский и есть то лицо, которое сняло «Мольера» в Ленинграде, лишив меня, по-видимому, возможности купить этим летом квартиру. Оно же произвело и ряд других подвигов уже в отношении других драматургов и театров. Как в Ленинграде, так и в Москве. Подвиги эти такого свойства, что разговаривать о Вс. Вишневском мне просто нежелательно. Но несколько слов все же придется сказать о «Днях Турбиных». Вс. Вишневский был единственным, кто отметил в печати возобновление. Причем то, что он написал, пересказу не поддается. Нужно приводить целиком. Привожу кусочек: «... все смотрят пьесу, покачивая головами, и вспоминают рамзинское дело...» Казалось бы, что только в тифозном бреде можно соединить персонажи «Турбиных» с персонажами рамзинского дела.

Но я не считаю себя плохим экспертом. (Пусть это самомнение!)

Это не бред. Это ясная речь. Душевный комплекс индивида в полном порядке. Индивид делает первые робкие шаги к снятию декораций моих со сцены. Возможно, что шаги эти глупы. Ах, впрочем, дело не в этом!

Мне хочется сказать только одно, что в последний год на поле отечественной драматургии вырос в виде Вишневого такой цветок, которого даже такой ботаник, как я, еще не видел. Его многие уже заметили, и некоторые клянутся, что еще немного времени и его вырвут с корнем.

А, да мне все равно, впрочем. Довольно о нем. В лету! К чертовой матери!

Опять, опять к моим воспоминаниям. Сердце стучит тревожно, спешу записать их. Ждите их в следующем письме.

Ваш М. Б.

Из Москвы в Ленинград

7 мая 1932 года

Эх, рановато было еще о «Мертвых душах», дорогой Павел Сергеевич! Вы ломаете мой план. Но раз Вам угодно – извольте. Но потом, все-таки, я вернусь к «Дням Турбиных».

Итак, «Мертвые души»... Через девять дней мне исполняется 41 год. Это чудовищно? Но тем не менее это так.

И вот, к концу моей писательской работы я был вынужден сочинять инсценировки. Какой блистательный финал, не правда ли? Я смотрю на полки и ужасаюсь: кого, кого мне еще придется инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза – Ефрона? Островского? Но последний, к счастью, сам себя инсценировал, очевидно, предвидя то, что случится со мною в 1929–1931 гг. Словом...

1) «Мертвые души» и н с ц е н и р о в а т ь н е л ь з я. Примите это за аксиому от человека, который хорошо знает произведение. Мне сообщили, что существует 160 инсценировок. Может быть, это и не точно, но во всяком случае играть «Мертвые души» нельзя.

2) А как же я-то взялся за это?

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
я не брался, Павел Сергеевич. Я ни за что не берусь уже давно, так как не распоряжаюсь ни одним моим шагом, а Судьба берет меня за горло. Как только меня назначили в МХТ, я был введен в качестве режиссера-ассистента в «М. д.» (старший режиссер Сахновский, Телешова и я). Одного взгляда моего в тетрадку с инсценировкой, написанной приглашенным инсценировщиком, достаточно было, чтобы у меня позеленело в глазах. Я понял, что на пороге еще театра попал в беду – назначили в несуществующую пьесу. Хорош дебют? Долго тут рассказывать нечего. После долгих мучений выяснилось то, что мне давно известно, а многим, к сожалению, не известно: для того чтобы что-то играть, надо это что-то написать. Коротко говоря, писать пришлось мне.

Первый мой план: действие происходит в Риме (не делайте больших глаз!). Раз он видит ее из «прекрасного далека», и мы так увидим!

Рим мой был уничтожен, лишь только я доложил ехposè. И Рима моего мне безумно жаль!

3) Без Рима, так без Рима.

Именно, Павел Сергеевич, резать! И только резать! И я разнес всю поэму по камням. Буквально в клочья. Картина I (или пролог) происходит в трактире в Петербурге или в Москве, где секретарь Опекунского совета дал случайно Чичикову уголовную мысль покойников купить и заложить (загляните в т. I, гл. XI). Поехал Чичиков покупать. И совсем не в том порядке, как в поэме. В картине X-й, называемой в репетиционных листах «Камеральной», происходит допрос Селифана, Петрушки, Коробочки и Ноздрева, рассказ его про капитана Копейкина и приезжает живой капитан Копейкин, отчего прокурор умирает. Чичикова арестовывают, сажают в тюрьму и выпускают (полицмейстер и жандармский полковник), ограбив дочиста. Он уезжает. «Покатим, Павел Иванович!»

Вот-с какие дела.

Что было с Немировичем, когда он прочитал! Как видите, это не 161-я инсценировка, и вообще не инсценировка, а совсем другое. (Всего, конечно, не упишешь в письме, но, например, Ноздрев всюду появляется в сопровождении Мижуева, который ходит за ним, как тень. Текст сплошь и рядом передан в другие уста, совсем не в те, что в поэме, и так далее.)

Влад[имир] Иван[ович] был в ужасе и ярости. Был великий бой, но все-таки пьеса в этом виде пошла в работу и работа продолжается около 2-х лет!

4) Ну и что же, этот план сумели выполнить? Не беспокойтесь, Павел Сергеевич, не сумели. Почему же? Потому что, к ужасу моему, Станиславский всю зиму прохворал, в театре работать не мог (Немирович же за границей.)

На сцене сейчас черт знает что. Одна надежда, что Ка-Эс поднимется в мае, глянет на сцену.

Когда выйдут «Мертвые души»? По-моему – никогда. Если же они выйдут в том виде, в каком они сейчас, будет большой провал на Большой сцене.

В чем дело? Дело в том, что для того, чтобы гоголевские пленительные фантазмагии ставить, нужно режиссерские таланты в театре иметь.

Вот-с как, Павел Сергеевич!

А, впрочем, все равно. Все равно. И все равно!

До следующего письма. Ваш М. Б.

P. S. Если еще интересуетесь чем-нибудь в «Мертвых», пишите. Я на вопросы Вам отвечу точно. А то, сами понимаете, в одно письмо не вложишь историю двух лет. Да еще и богатую при этом историю!

М.

Из Москвы в Ленинград

8 июня 1932 года

Дорогой Павел Сергеевич!

Сбился я в нумерации моих писем, поэтому нумеровать более не буду, Ваши я получаю, и всегда они вызывают хорошее чувство. Приходят они среди, правда, редких, но все же тяжелых для меня деловых писем. Их легко разделить по следующему признаку:

а) письма отечественные,

б) письма заграничные.

Первые имеют лик мелко будничный. За телефон, например, за какой-то месяц какого-то года нужно доплатить 9 рублей. А кроме того, почему я не состою в Горкоме писателей? А если где-нибудь состою, то где, будьте любезны? Я состою в Рабисе и очень рад, что состою. Но в глубине у меня мысль, что это неважно – где я состою. И эти вопросы и ответы на них только у меня время отнимают. Словом, похоже на комаров, которые мешают наслаждаться природой. Заграничные – дело другое. Как письмо оттуда – на стол как кирпич. Содержание их мне известно до вскрытия конвертов: в одних запрашивают о том, что делать и как быть и как горю пособить с такой-то моей пьесой там-то, а в других время от времени сообщают, что там-то или где-то у меня украли гонорар.

Пять, примерно, лет я получаю эти письма и отвечаю на них. И вот теперь, в этом году, руки мои опустились. Ведь все на свете надоедает.

9.VI.–10.VI. Ночь

В самом деле: я пишу куда-то в неизвестное пространство людям, которых я не знаю, что-то, что в сущности не имеет никакой силы. Каким образом я, сидя на Пироговской, могу распорядиться тем, что делается на Bülowstrasse или rue Ballu?

12–13.VI. Ночь

Ночью ничего не произошло, ибо я спать хотел. Попробуем 13 июня днем: Рю Баллю. La Garde Blanche. Мы хотим ставить в Америке. [3] <...>

Из Москвы в Тярлево

Ленинградской обл.

4 августа 1932 года

Дорогой друг Павел Сергеевич!

Как только Жан Батист Поклен де Мольер несколько отпустит душу и я получу возможность немного соображать, с жадностью Вам стану писать.

Биография – 10 листов – да еще в жару – да еще в Москве!

А Вам хочется писать о серьезном и важном, что немислимо при наличности на столе Grimarest, Despois и других интуристов.

Сейчас я посылаю Вам и Анне Ильинишне дружеский привет и отчаянное мое сожаление, что не могу повидать Вас 7-го.

Спасибо Вам за память.

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Неприменно напишите, сколько времени еще будете жить в Тярлеве.

Ваш М.

Из Москвы в Москву

18 августа 1932 года

Дорогой Павел Сергеевич, Коля передал мне Ваше письмо. Оно угодило в самую мертвую паузу, потому что все слопал Нащокинский переулоч, в котором надстраивается дом.

Но:

я жду денег. Как только они будут получены (а если их не будет, то, вообще, ерунда выйдет), Ваш уважаемый заказ будет исполнен.

Вчера я уже ломал голову, но пока еще ничего не вышло.

Итак, все меры принимаются! Обнимаю Вас. Анне Ильинишне привет.

Ваш М.

Из Москвы в Москву

13 апреля 1933 года

Дорогой Павел!

я хотел зайти к тебе, но, во-первых, у тебя лазарет, кажется, а во-вторых, я почему-то думаю, что тебя трудно застать дома.

Кстати, не собираешься ли ты пристроить у себя телефон? Это – омерзительная вещь в квартире, но иногда – необходимая.

Ну-с, у меня начались мольеровские дни. Открылись они рецензией Т. В ней, дорогой Патя, содержится множество приятных вещей. Рассказчик мой, который ведет биографию, назван развязным молодым человеком, который верит в колдовство и чертовщину, обладает оккультными способностями, любит альковные истории, пользуется сомнительными источниками и, что хуже всего, склонен к роялизму!

Но этого мало. В сочинении моем, по мнению Т., «довольно прозрачно проступают намеки на нашу советскую действительность»!!

Е[лена] С[ергеевна] ... и К[оля], ознакомившись с редакторским посланием, впали в ярость, и Елена Сергеевна даже порывалась идти объясняться. Удержав ее за юбку, я еле отговорил ее от этих семейных действий. Затем сочинил редактору письмо. Очень обдумав дело, счел за благо боя не принимать. Оскалился только по поводу формы рецензии, но не кусал. А по существу сделал так: Т. пишет, что мне вместо моего рассказчика надлежало поставить «серьезного советского историка». Я сообщил, что я не историк, и книгу переделать отказался.

Итак, желаю похоронить Жана Батиста Мольера. Всем спокойнее, всем лучше. Я в полной мере равнодушен к тому, чтобы украсить своей обложкой витрину магазина. По сути дела, я – актер, а не писатель. Кроме того, люблю покой и тишину.

Вот тебе отчет о биографии, которой ты заинтересовался.

Позвони мне, пожалуйста, по телефону. Мы сговоримся о вечере, когда сойдемся и помянем в застольной беседе имена славных комедиантов съёров Ла Гранжа, Брекура, Дю Краузи и самого командора Жана Мольера.

Твой М.

Из Москвы в Москву
19 апреля 1933 года

Дорогая Анна Ильинишна!

Мы очень мило сидели и жалели, что Вас не было. Приходите к нам и не забывайте, что я очень симпатичный!

Целую ручку.

Ваш М. Булгаков.

Из Москвы в Москву
19 мая 1933 года

Дорогой Павел!

Распространился слух, что ты уезжаешь в отпуск. Кроме того, Коля говорил мне, что ты звонил ко мне, но не дозвонился. Надеюсь, что ты урвешь минуту и забежишь попрощаться. Захвати с собой злосчастного Мольера.

А я? Ветер шевелит клены возле кожной клиники, сердце замирает при мысли о реках, мостах, морях. Цыганский стон в душе. Но это пройдет. Все лето, я уже догадываюсь, буду сидеть на Пироговской и писать комедию (для Ленинграда). Будет жара, стук, пыль, нарзан.

Итак, позвони (в 11 час. утра или в 10 вечера) и забеги.

Привет Анне Ильинишне.

Твой М.

Из Москвы в Москву
22 июля 1933 года

Жив ли ты, здоров ли ты, дорогой Павел?

Я вернулся из Ленинграда, замечательно отдохнув за 10 дней в Астории.

Коля пытался меня уверить в двух вещах: 1) ты поставил у себя телефон, 2) ты меня совершенно забыл.

Задыхаюсь на Пироговской. Может быть, ты умолишь мою судьбу, чтобы, наконец, закончили дом в Нащокинском?

Когда же это, наконец, будет?! Когда?!

Передай мой и Люси привет Анне Ильинишне.

Твой М. Б.

Из Москвы в Барвиху
4 марта 1934 года

Дорогой Павел,

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

твое милое письмо от 6-го получил.

Один из Колиных друзей, говоря обо мне всякие пакости, между прочим сообщил, что во мне «нездоровый урбанизм», что мне, конечно, немедленно и передали.

Так вот, невзирая на этот урбанизм, я оценил и белый лес, и шумящий самовар, и варенье. Вообще, и письмо приятное, и сам ты тоже умный. Отдыхай!

Зима эта, воистину, нескончаемая. Глядишь в окно, и плюнуть хочется. И лежит, и лежит на крышах серый снег. Надоела зима!

Квартира помаленьку устраивается. Но столяры осточертели не хуже зимы. Приходят, уходят, стучат.

В спальне повис фонарь. Что касается кабинета, то ну его в болото! Ни к чему все эти кабинеты.

Пироговскую я уже забыл. Верный знак, что там жилось неладно. Хотя было и много интересного.

У Коли не окончания, а начала (радикулит? Как это по-ученому называется?). Во всяком случае, ему стало легче. Но зато он стал несимпатичный. Рассказы рассказывает коротенькие и удивительно унылые – то как у кого-то жена захворала, а тот себе зубы вставляет, то у кого-то дом треснул. Надеюсь, что он поправится (Коля).

Собирается на юг ехать.

Мольер: ну, что ж, ну, репетируем. Но редко, медленно. И, скажу по секрету, смотрю на это мрачно. Люся без раздражения не может говорить о том, что театр проделал с этой пьесой. А для меня этот период волнений давно прошел. И, если бы не мысль о том, что нужна новая пьеса на сцене, чтобы дальше жить, я бы и перестал о нем думать. Пойдет – хорошо, не пойдет – не надо. Но работаю на этих редких репетициях много и азартно. Ничего не поделаешь со сценической кровью!

Но больше приходится работать над чужим. «Пиквикский клуб» репетируем на сцене. Но когда он пойдет и мне представится возможность дать тебе полюбоваться красной судейской мантией – не знаю. По-видимому, и эта пьеса застрянет. Судаков с «Грозой» ворвался на станцию, переломал все стрелки и пойдет впереди. «Гроза» нужна всем, как коту штаны, но тем не менее Судаков – выдающаяся личность. И если ты напишешь пьесу, мой совет – добивайся, чтобы ставил Судаков. Вслед за Судаковым рвется Мордвинов с Киршоном в руках. Я, кроме всего, занимаюсь с вокалистами мхатовскими к концерту и время от времени мажу, сценка за сценкой, комедию. Кого я этим тешу? Зачем? Никто мне этого не объяснит. Свою тоже буду любить.

Напиши мне, пожалуйста, еще из Ясной. Приятно увидеть твой конверт на столе среди конвертов, которые я вскрываю со скрежетом и бранью. Из-за границы, от красавцев, интересующихся моими пьесами.

Приедешь, послушаем цыганские вальсы. Кстати! Гитару удалось вырвать из когтей этого ... забыл... ну, который на спектакле?

Анне Ильинишне поцелуй руку и попроси ее поцеловать меня в лоб.

Люся передает вам искренний привет, а я тебя обнимаю.

Твой М.

Из Москвы в Барвиху

28 апреля 1934 года

Дорогой Павел!

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Полагаю, что письмо еще застанет тебя в Ясной Поляне. Можешь еще одну главу прибавить – 97-ю под заглавием: о том, как из «Блаженства» ни черта не вышло.

25-го числа читал труппе Сатиры пьесу. Очень понравился всем первый акт и последний, но сцены в «Блаженстве» не приняли никак. Все единодушно вцепились и влюбились в Ивана Грозного. Очевидно, я что-то совсем не то сочинил. Теперь у меня большая забота. Думал сплавить пьесу с плеч и сейчас же приступить к «Мертвым душам» для кино. А теперь вопрос осложнился.

Я чувствую себя отвратительно в смысле здоровья.

Переутомлен окончательно. К первому августа во что бы то ни стало надо ликвидировать всякую работу и сделать антракт до конца сентября, иначе совершенно ясно, что следующий сезон я уже не буду в состоянии тянуть.

Я подал прошение о разрешении мне заграничной поездки на август – сентябрь. Давно уже мне грезилась Средиземная волна и парижские музеи, и тихий отель, и никаких знакомых, и фонтан Мольера, и кафе, и, словом, возможность видеть все это. Давно уж с Люсей разговаривал о том, какое путешествие можно было бы написать! И вспомнил незабвенный фрегат Паллады, и как Григорович вкатился в Париж лет восемьдесят назад! Ах, если б осуществилось! Тогда уж готовь новую главу – самую интересную.

Видел одного литератора как-то, побывавшего за границей. На голове был берет с коротеньким хвостиком. Ничего, кроме хвостика, не вывез! Впечатление такое, как будто он проспал месяца два, затем этот берет купил и приехал.

Ни строки, ни фразы, ни мысли! О, незабвенный Гончаров! Где ты?

Очень прошу тебя никому пока об этом не говорить, решительно никому. Таинственности здесь нет никакой, но просто хочу себя оградить от дикой трескотни московских кумушек и кумовьев. Я не могу больше слышать о том, как треплют мою фамилию и обсуждают мои дела, которые решительно никого не касаются. На днях ворвалась одна особа, так она уж ушла, а мы с Люсей полчаса еще ее ругали. Она уж, может быть, у Мясницких ворот была и икала. Она спрашивала, сколько мы зарабатываем, и рассказала, сколько другие зарабатывают. Один, по ее словам, пятьсот тысяч в месяц. И что мы пьем и едим. И прочее. Чума! Народное бедствие! Никто мне не причинил столько неприятностей, сколько эти московские красавицы с их чертовым враньем! Просто не хочу, чтобы трепался такой важный вопрос, который для меня вопрос всего будущего, хотя бы и короткого, хотя бы уже и на вечере моей жизни! Итак, по-серьезному сообщаю: пока об этом только тебе. И, заметь, что и Коле я не говорил об этом и говорить не буду.

Ах, какие письма, Павел, я тебе буду писать! А, приехав осенью, обниму, но короткий хвостик покупать себе не буду. А равно также и короткие штаны до колен. А равно также и клетчатые чулки.

Ну, вот пока и все. Жду тебя в Москву. Надеюсь, что Анна Ильинишна поправилась. Передай от Люси и от меня ей привет.

Твой Михаил

Из Ленинграда в Москву

26 июня 1934 года

Астория, № 430

Дорогой Павел!

Прежде всего, колоссальное спасибо тебе за присылку «Блаженства». За это чем-нибудь тебе отслужу. До сих пор не мог тебе писать. После всего происшедшего не только я, но и хозяйка моя, к великому моему ужасу, расхворалась. Начались дьявольские мигрени, потом боль поползла дальше, бессонница и прочее. Обоим нам пришлось лечиться аккуратно и всерьез. Каждый день нам делают электризацию. И вот мы начинаем становиться на ноги.

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Ну-с, здесь совершился пятисотый спектакль – это было двадцатого. Ознаменовался он тем, что Выборгский дом поднес Театру адрес, а Жене Калужскому – серебряный портсигар. Дело происходило при закрытом занавесе перед третьим актом. (Калужский был единственный, кто сыграл все 500 спектаклей без пропуска.)

Я получил два поздравления: одно из Москвы, а другое – от Сахновского как от заместителя директора. Оба меня очень обрадовали, потому что оба написаны тепло, нарядно.

И Немирович прислал поздравление Театру. Повертев его в руках, я убедился, что там нет ни одной буквы, которая бы относилась к автору. Полагаю, что хороший тон требует того, чтобы автора не упоминать. Раньше этого не знал, но я, очевидно, недостаточно светский человек.

Одно досадно, что, не спрашивая меня, театр послал ему благодарность, в том числе и от автора. Дорого бы дал, чтобы выдрать оттуда слово – автор.

Я тебя вспоминаю часто, Люся также. Надеюсь, что ты вполне и жив и здоров, работаешь.

Я пишу «Мертвые души» для экрана и привезу с собою готовую вещь. Потом начнется возня с «Блаженством». Ох, много у меня работы! Но в голове бродит моя Маргарита и кот, и полеты... Но я слаб и разбит еще. Правда, с каждым днем я крепну.

Все, что можно будет собрать в смысле силы за это лето, соберу.

Люся прозвала меня Капитаном Копейкиным. Оцени эту остроту, полагаю, что она первоклассна.

Если тебя не затруднит, побывай у меня на квартире, глянь, что там творится. И время от времени звони нашей красавице (58-67).

Целую Анне Ильиничне ручку. Люся вас обоих приветствует. Если напишешь, буду рад.

Твой Михаил

27 июня 1934 г.

Милый Пятя,

прилагаю к письму две просьбы: позвони, ангел, Арбат, 3-59-69, найди (это номер кинофабрики) Илью Вениаминовича Вайсфельда и попроси его, чтобы он срочно прислал мне в Асторию адрес, по которому ему можно будет выслать мой сценарий и по которому я ему могу писать. Но добавь, что, возможно, сценарий я привезу и лично в начале июля. Адрес мне нужен на тот случай, если я задержусь. Скажи, что сценарий я уже заканчиваю.

Также мне нужно знать, сколько времени он и режиссер Пырьев будут в Москве.

Домашний телефон Вайсфельда: Арбат, 3-92-66. Есть еще второй служебный, точно его не помню, но кажется, что: Арбат, 1-89-34.

Вторая просьбишка: на квартире у меня должна быть телеграмма. Вскрой ее, сообщи содержание письмом.

Если будут письма, пусть лежат до моего возвращения, – если только среди них не обнаружишь по конверту чего-нибудь очень важного.

Если телеграмма – вскрывай и сообщай.

Обнимаю.

Твой М.

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Из Ленинграда в Москву

6 июля 1934 года

Милый Павел,

спасибо тебе за хлопоты. Какой ты там нашел застаревший долг? Никакого долга за тобой я не помню, но что ты дал Фросе денег, это хорошо. Спасибо. Я сочтусь с тобой, как только приеду.

Здоровье – увы! – не совсем восстановилось, и, конечно, этого сразу не достигнешь. Но все-таки Елена Сергеевна чувствует себя гораздо лучше. Некоторая надежда есть и относительно меня. Уж очень хорош шок был!

Появимся мы в Москве в середине июля, где я и надеюсь обнять тебя.

Елена Сергеевна шлет самый лучший привет Анне Ильиничне. Будь ангелом, еще раз позвони на квартиру. А руке твоей не миновать поцелуя, вспомни мое слово.

Твой М.

Из Ленинграда в Москву

10 июля 1934 года

Дорогой Павел!

И от 8-го твое письмо получено. Прежде всего, прости за то, что я не выразил сожаления по поводу смерти твоего отца. Это от того, что моя измотанная голова еще не совсем хорошо действует.

Спасибо тебе за твои хлопоты.

На Фросины губы никакого внимания не обращай. Это не домработница, а какая-то кисейная барышня. Эти самые книжки, Люся говорит, надо менять на Тверском бульваре, 25 (дом Герцена). Люся утверждает, что Фрося должна это знать.

В смысле денег, мы полагаем, что они должны быть у нее. Ведь Екатерина Ивановна должна была рассчитать, сколько было нужно Фросе.

Несколько дней назад мы послали ей 30 рублей. Спроси на всякий случай, как у нее обстоит этот вопрос. Если она скажет, что нет, будь добр, дай ей рублей 25, я тебе верну с благодарностью по приезде в Москву.

Мы должны появиться в Москву числа 15–17 июля.

Корреспонденция моя пусть меня ждет в Москве. Очень правильно.

Если тебе не трудно, позвони Вайсфельду (тел. служ.: Арбат, 3-59-69 или Арбат, 1-84-39, или домаш.: Арбат, 3-92-66) и спроси: «Вы увезли оба экземпляра сценария?» («Мертвых душ»). Пусть срочно телеграфирует ответ.

Дело в том, что я обыскал весь номер, нет второго экземпляра. Значит, увезли оба, вместо одного.

А я сейчас сижу над обдумыванием его переделки.

Люся утверждает, что сценарий вышел замечательный. Я им показал его в черновом виде, и хорошо сделал, что не перебелил. Все, что больше всего мне нравилось, то есть сцена суворовских солдат посреди ноздревской сцены, отдельная большая баллада о капитане Копейкине, панихида в имени Собакевича и, самое главное, Рим с силуэтами на балконе, – все это подверглось полному разгрому! Удастся только сохранить Копейкина, и то сузив его. Но – Боже! – до чего мне жаль Рима!

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Я выслушал все, что мне сказал Вайсфельд и его режиссер, и тотчас сказал, что переделаю, как они желают, так что они даже изумились.

С «Блаженством» здесь произошел случай, выпадающий за грани реального.

Номер Астории. Я читаю. Директор театра, он же и постановщик, слушает, выражает полное и, по-видимому, неподдельное восхищение, собирается ставить, сулит деньги и говорит, что через 40 минут придет ужинать вместе со мной. Приходит через 40 минут, ужинает, о пьесе не говорит ни одного слова, а затем проваливается сквозь землю и более его нет!

Есть предположение, что он ушел в четвертое измерение.

Вот какие чудеса происходят на свете!

Анне Ильиничне наш лучший привет.

Целую тебя.

<Твой Михаил>

Из Москвы в Ленинград

14 марта 1935 года

Гравидан, душа Павел, тебе не нужен – память твоя хороша: дом № 3, кв. 44.

Не одни киношники. Мною многие командуют.

Теперь накомандовал Станиславский. Прогнали для него «Мольера» (без последней картины, не готова), и он вместо того, чтобы разбирать постановку и игру, начал разбирать пьесу.

В присутствии актеров (на пятом году!) он стал мне рассказывать о том, что Мольер гений и как этого гения надо описывать в пьесе.

Актеры хищно обрадовались и стали просить увеличивать им роли.

Мною овладела ярость. Опьянило желание бросить тетрадь, сказать всем: пишите вы сами про гениев и про негениев, а меня не учите, я все равно не сумею. Я буду лучше играть за Вас.

Но нельзя, нельзя это сделать. Задавил в себе это, стал защищаться.

Дня через три опять. Поглаживал по руке, говорил, что меня надо оглаживать, и опять пошло то же.

Коротко говоря, надо вписывать что-то о значении Мольера для театра, показать как-то, что он гениальный Мольер и прочее.

Все это примитивно, беспомощно, не нужно. И теперь сижу над экземпляром, и рука не поднимается. Не вписывать нельзя – пойти на войну – значит сорвать всю работу, вызвать кутерьму форменную, самой же пьесе повредить, а вписывать зеленые заплатки в черные фрачные штаны!.. Черт знает, что делать!

Что это такое, дорогие граждане?

Кстати – не можешь ли ты мне сказать, когда выпустят Мольера? Сейчас мы репетируем на Большой сцене. На днях Горчакова оттуда выставят, так как явятся «Враги» из фойе. Естественно пойдет в филиал, а оттуда незамедлительно выставит Судаков с пьесой Корнейчука. Я тебя и спрашиваю, где мы будем репетировать, и вообще когда всему этому придет конец?

Довольно о «Мольере»!

Своим отзывом о чеховской переписке ты меня огорчил. Письма вдовы и письма

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru покойника произвели на меня отрицательное впечатление. Скверная книжонка! Но то обстоятельство, что мы по-разному видим один и тот же предмет, не мешает нашей дружбе.

Блинов не ели. Люся хворала. (Теперь поправляется.) А за окном, увы, весна. То косо налетит снежок, то нет его, и солнце на обеденном столе. Что принесет весна? Слышу, слышу голос в себе – ничего!

Опять про «Мольера» вспомнил! Ах, до чего плохо некоторые играют. И в особенности, из дам – К. И ничего с ней поделаться нельзя. Заботы, заботы. И главная – поднять Люсю на ноги. Сколько у нас работы, сколько у нее хлопот. Устала она.

Анну Ильинишну за приписку поцелуй.

Анна Ильинишна! Вашим лыжным подвигом горжусь! Пиши еще. Представляю себе, как вкусно сидите вы у огня. Славьте огонь в очаге.

Твой Михаил

Из Москвы в Барвиху

11 февраля 1936 года

Дорогая Анна Ильинишна!

Думал, думал – не поехать ли, в самом деле? Но не придется. Забот и хлопот много.

У нас после оттепели опять гнусный, с ветром, дьявольский мороз. Ненавижу его и проклинаяю.

Конечно, ежели бы можно было перенестись без всяких усилий в сугробы ясной, я посидел бы у огня, стараясь забыть и Мольера, и Пушкина, и комедию.

Нет, невозможно. Вам завидую и желаю отдохнуть и благодарю за приглашение.

Ваш М. Булгаков

Спасибо тебе за вести, дорогой Павел.

«Мольер» вышел. Генеральные были 5-го и 9-го. Говорят об успехе. На обеих пришлось выходить и кланяться, что для меня мучительно.

Сегодня в «Сов[етском] иск[усстве]» первая ласточка – рецензия Литовского. О пьесе отзывается неодобрительно, с большой, по возможности сдерживаемой злобой, об актерах пишет неверно, за одним исключением.

«Ивана Васильевича» репетируют, но я давно не был в Сатире.

Об Александре Сергеевиче стараюсь не думать, и так велика нагрузка. Кажется, вахтанговцы начинают работу над ним. В МХТ он явно не пойдет.

Мне нездоровится, устал до того, что сейчас ничего делать не могу; сижу, курю и мечтаю о валенках. Но расслаживаться не приходится – вечером еду на спектакль (первый, закрытый).

Обнимаю тебя дружески.

Твой Михаил

Елена Сергеевна Анне Ильинишне и тебе шлет привет.

Из Москвы в Москву

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

5 октября 1936 года

Здорово, Павел! Продолжаю приятный разговор, который тогда начался по телефону. Ты, все-таки, хотя бы позвонил!

У меня была страшная кутерьма, мучения, размышления, которые кончились тем, что я подал в отставку в Художественном Театре и разорвал договор на перевод «Виндзорских».

Довольно! Все должно иметь свой предел!

Позвони, Павел! Сговоримся, заходи ко мне. Я по тебе соскучился. Елена Сергеевна долго хворала, но теперь поправляется.

Прикажи вынуть из твоего погреба бутылку Клико, выпей за здоровье «Дней Турбиных», сегодня пьеса справляет свой десятилетний юбилей. Снимаю перед старухой свою засаленную писательскую ермолку, жена меня поздравляет, в чем и весь юбилей.

Передай Анне Ильинишне от Елены Сергеевны и от меня привет, позвони, напиши или зайди.

Твой М. Б.

Из Москвы в Москву

29 января 1937 года

Дорогой Павел!

Сообщи, когда можно навестить тебя. Я соскучился по тебе. Звони мне, сговоримся, когда повидаемся у меня или у тебя.

У нас тихо, грустно и безысходно после смерти «Мольера».

Твой Михаил

Привет Анне Ильинишне!

Из Москвы в Москву

24 марта 1937 года

Дорогой Павел!

Не написал тебе до сих пор потому, что все время живем мы бешено занятые, в труднейших и неприятнейших хлопотах. Многие мне говорили, что 1936-й год потому, мол, плох для меня, что он високосный, – такая есть примета. Уверяю тебя, что эта примета липовая. Теперь вижу, что в отношении меня 37-й не уступает своему предшественнику.

В числе прочего, второго апреля пойду судиться – дельцы из Харьковского театра делают попытку вытянуть из меня деньги, играя на несчастьи с «Пушкиным». Я теперь без содрогания не могу слышать слово – Пушкин – и ежечасно клянусь себя за то, что мне пришла злосчастная мысль писать пьесу о нем.

Некоторые мои доброжелатели избрали довольно странный способ утешать меня. Я не раз слышал уже подозрительно елейные голоса: «ничего, после Вашей смерти все будет напечатано!» Я им очень благодарен, конечно!

Желаю сделать антракт: Елена Сергеевна и я просим Анну Ильинишну и тебя прийти к нам 28-го в 10 часов вечера попить чаю. Черкни или позвони, можете ли быть?

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Приветствую, целую!

Твой М. Булгаков

Из Москвы в Москву

4 октября 1939 года

Спасибо тебе за милое письмо, дорогой Павел. Мое письмо, к сожалению, не может быть обстоятельным, так как мучают головные боли. Поэтому я просто обнимаю тебя, а Анне Ильинишне шлю привет.

Твой М. Б.

Из Москвы в Москву

23 октября 1939 года

Ну, разодолжил ты меня и утешил, дорогой Павел, своим письмом об Апухтине! Как раз незадолго до своей болезни я перечитывал его прозу и впервые прочитал прекрасно сделанную вещь: «Архив графини Д». Присоединяюсь к мнению Александра III – это великолепная сатира на великосветское общество. Вообще, Апухтин – тонкий, мягкий, иронический прозаик, и если ты занялся им, желаю тебе полного успеха в твоей работе. С большим оживлением я слушал Елену Сергеевну, читавшую мне твое письмо.

А «Павлик Дольский»!! Какой культурный писатель! И точно так же, как и ты, я нисколько не пленен его поэзией.

Если будет время, пиши еще.

Посылаю поцелуй Анне Ильинишне и тебе. Елена Сергеевна тоже.

Твой М. Б.

Из Барвихи в Москву

1 декабря 1939 года

Дорогой Патя, диктую скупое, потому что лежу в гриппе, который к великому счастью, кажется, кончается.

В основной моей болезни замечено здесь улучшение (в глазах). Благодаря этому, у меня возникла надежда, что я вернусь к жизни. Рад тому, что зажила твоя нога. Желаю Анне Ильинишне и тебе самого полного здоровья!

Когда будешь сидеть в твоём кабинете и читать книжку – вспомни меня. Я лишен этого счастья уже два с половиной месяца.

Если напишешь, чему буду очень рад, пиши прямо к нам на городскую квартиру.

Твой Михаил

Сердечно кланяюсь – Елена Булгакова

Из Барвихи в Москву

6 декабря 1939 года

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Да, дорогой Павел, никогда не следует заранее что-либо загадывать. Обоих нас скосил грипп, и все пошло прахом – в смысле воздуха и дальнейшего движения вперед. Чувствую я себя плохо, все время лежу и мечтаю только о возвращении в Москву и об отдыхе от очень трудного режима и всяких процедур, которые за три месяца истомили меня вконец.

Довольно лечений!

Писать и читать мне по-прежнему строго запрещено, и, как сказано здесь, будет еще запрещено «надолго». Вот словцо, полное неопределенности! Не можешь ли ты мне перевести, что значит «надолго»?

К двадцатому декабря, во что бы то ни стало, постараюсь быть уже в Москве.

Анне Ильиничне привет!

Твой М.

Из Москвы в Москву

24 января 1940 года

Жив ли ты, дорогой Павел? Меня мученья совершенно искалечили, и я чувствую себя плохо.

Позвони!

Твой М.

Письма родным

М. А. Булгаков – К. П. Булгакову (Из Владикавказа в Москву)

I

19-21

II

Дорогой Костя, вчера я был очень обрадован твоим письмом. Наконец-то я имею весть о своих. Твое письмо помечено: «18-го янв. 1920 г. (?)». Конечно, это ошибка. Не могу тебе выразить, насколько я был счастлив и удивлен, что наши все живы и здоровы и, по-видимому, все вместе.

(Проклятые чернила!) [4] Единственно, о чем я жалел, это что твое письмо слишком кратко. Несколько раз я его перечитывал... Ты спрашиваешь, как я поживаю. Хорошенькое слово. Именно я поживаю, а не живу...

Мы расстались с тобой приблизительно год назад. Весной я заболел возвратным тифом, и он приковал меня... Чуть не издох, потом летом опять хворал.

Помню, около года назад я писал тебе, что я начал печататься в газетах. Фельетоны мои шли во многих кавказских газетах. Это лето я все время выступал с эстрад с рассказами и лекциями. Потом на сцене пошли мои пьесы. Сначала одноактная юмореска «Самооборона», затем написанная наспех, черт знает как, 4-актная драма «Братья Турбины». Бог мой, чего я еще не делал: читал и читаю лекции по истории литературы (в Универст. народа и драмат. студии), читал вступительные слова и проч. проч.

«Турбины» четыре раза за месяц шли с треском успеха. Это было причиной крупной глупости, которую я сделал: послал их в Москву... Как раз вчера получил о них известие. Конечно, «Турбины» забракуют, а «Самооборону» даже кто-то признал

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
совершенно излишней к постановке. Это мне крупный и вполне заслуженный урок: не посылай неотделанных вещей!

Жизнь моя – мое страдание. Ах, Костя, ты не можешь себе представить, как бы я хотел, чтобы ты был здесь, когда «Турбины» шли в первый раз. Ты не можешь себе представить, какая печаль была у меня в душе, что пьеса идет в дыре захолустной, что я запоздал на 4 года с тем, что я должен был давно начать делать – писать.

В театре орала «Автора» и хлопала, хлопала... Когда меня вызвали после 2-го акта, я выходил со смутным чувством... Смутно глядел на загримированные лица актеров, на гремящий зал. И думал: «а ведь это моя мечта исполнилась... но как уродливо: вместо московской сцены сцена провинциальная, вместо драмы об Алеше Турбине, которую я лелеял, наспех сделанная, незрелая вещь».

Судьба – насмешница.

Потом кроме рассказов, которые негде печатать, я написал комедию-буфф «Глиняные женихи». Ее, конечно, не взяли в репертуар, но предлагают мне ставить в один из свободных дней. И опять: дня этого нет, все занято. Наконец на днях снял с пишущей машины «Парижских коммунаров» в 3-х актах. Послезавтра читаю ее комиссии. Здесь она несомненно пойдет. Но дело в том, что я послал ее на всероссийский конкурс в Москву. Уверен, что она не попадет к сроку, уверен, что она провалится. И опять поделом. Я писал ее 10 дней. Рвань все: и «Турбины», и «Женихи», и эта пьеса. Все делаю наспех. Все. В душе моей печаль.

Но я стиснул зубы и работаю днями и ночами. Эх, если бы было где печатать!

Дорогой Костя, не откажи исполнить следующее.

В средних числах февраля (15–20–25-го) зайди на Неглинную улицу, д. № 9 Тео. Репертуарная секция Бюро жюри конкурса пьес о Парижской коммуне. Справься, получена ли 3-актная пьеса «Парижские коммунары» под девизом «Свободному богу искусства» (пьесы идут на конкурс под девизом с фамилиями, запечатанными в конверт, т. ч. фамилию называть не нужно). 25-го/II объявление результатов. Если она провалилась (в чем не сомневаюсь), постарайся получить ее обратно и сохрани. Если она не получена, узнай, не продлен ли срок присылки.

Проклятая «Самооборона» и «Турбины» лежат сейчас в том же «Тео», о них я прямо и справляться боюсь. Кто-то там с маху нашел, что «Самооборона» «вредная»... [5] Отзыв этот конечно ерундовый, но неприятный, жаль, что я ее, «вредную» «Самооборону», туда послал. Если бы ты о них навел справку и забрал бы и «Турбины» и «Сам [оборону] », обязал бы меня очень.

Справку о них нужно навести у Басальги (заведующ. Цут Тео) или у Мейерхольда. Сделай умненько...

Эти пьесы («Сам[оборону]» и «Турб[инных]») привез в Москву Давид Аронович Черномордилов, заведующий подотделом искусств здесь. Наведи справку и забери их.

И так я поживаю.

За письменным столом, заваленным рукописями... Ночью иногда перечитываю свои раньше напечатанные рассказы (в газетах! в газетах!) и думаю: где же сборник? Где имя? Где утраченные годы?

Я упорно работаю.

Пишу роман, единственная за все это время продуманная вещь. Но печаль опять: ведь это индивидуальное творчество, а сейчас идет совсем другое.

Поживаю за кулисами, все актеры мне знакомые друзья и приятели, черт бы их всех взял!

Тася служила на сцене выходной актрисой. Сейчас их труппу расформировали и она без дела.

Я живу в скверной комнате на Слепцовской улице д. № 9, кв. 2. Жил в хорошей, имел письменный стол, теперь не имею и пишу при керосиновой лампе.

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Как одет, что ем... не стоит... [6]

Жду твоего письма с нетерпением. Напиши подробно. Где и как живешь. Узнай у дяди Коли, целы ли мои вещи. Кстати напиши, жив ли Таськин браслет? Скажи дяде Коле, что и я и Тася часто вспоминаем его тепло, интересуемся, как он живет. Если он спросит [7] (...)

На случай, если придется менять квартиру, посылаю такой адрес: Владикавказ Почта до востребования Михаилу Афанасьевичу Булгакову.

По этому адресу, без изменений в нем!

Целую тебя

Михаил

P. S. Как образчик своей славной и замечательной деятельности прилагаю одну из бесчисленных моих афиш. На память на случай, если не встретимся.

Жду письма. (Тео! Зайди!)

1921 года

16 февраля

Дорогой Костя,

я послал тебе недавно заказное письмо.

Будь добр, узнай на Неглинной № 9 в репертуарной секции Тео в бюро конкурсных пьес о Парижской коммуне, дошла ли туда пьеса в 3 актах «Парижские коммунары», посланная ценным пакетом, под девизом «Свободному богу искусства», и какая судьба ее постигла. Я тщетно пишу в Киев и никакого ответа не получаю. Прошу тебя (может, из Москвы лучше сообщение), напиши моей маме следующее (кстати ее адреса нового я не знаю, пишу на Андреевский спуск).

У меня в № 13 в письменном столе остались две важных для меня рукописи: «Наброски Земск.[ого] вр.[ача]» и «Недуг» (набросок) и целиком на машинке «Первый цвет». Все эти три вещи для меня очень важны. Попроси их, если только, конечно, цел мой письменный стол, их сохранить. Сейчас я пишу большой роман по канве «Недуга». Если пропали рукописи, то хоть, может быть, можно узнать, когда и кто их взял.

Еще прошу тебя, узнай, пожалуйста, срочно сообщите, есть ли в Москве частные издательства и их адреса.

Сообщи мне, целы ли мои вещи и Т[асин] браслет. Во Владикавказе я попал в положение «ни взад ни вперед». Мои скитания далеко не кончены (...) Сообщи мне, есть ли у тебя возможность мне перебыть немного, если мне придется побывать в Москве.

Адрес: Владикавказ Почта до востребования. М. А. Булгакову или Владикавказ Областной подотдел искусств Мих. Аф. Булгакову (без изменений и дополнений).

Твой Михаил

М. А. Булгаков – матери Варваре Михайловне Булгаковой-Воскресенской (Из Москвы в Киев)

17

19–21

XI

Дорогая мама, как Вы поживаете, как Ваше здоровье? Пишите, пожалуйста, как только выберете свободную минуту. Всякая весть от своих приятна, в особенности во время такой каторжно-рабочей жизни, которую я веду. Очень жалею, что в маленьком письме не могу Вам передать подробно, что из себя представляет сейчас Москва. Коротко могу сказать, что идет бешеная борьба за существование и приспособление к новым условиям жизни.

Въехав 1 1/2 месяца тому назад в Москву, в чем был, я, как мне кажется, добился тахитша того, что можно добиться за такой срок. Место я имею. Правда, это далеко не самое главное. Нужно уметь получать и деньги. И второго я, представьте, добился. Правда, пока еще в ничтожном масштабе. Но все же в этом месяце мы с Таськой уже кой-как едим, запаслись картошкой, она починила туфли, начинаем покупать дрова и т. п.

Работать приходится не просто, а с остервенением. С утра до вечера, и так каждый без перерыва день.

Идет полное сворачивание <...> [8] учреждений и сокращение штатов. Мое учреждение тоже попадает под него, и, по-видимому, доживает последние дни. Так что я без места буду в скором времени. Но это пустяки. Мной уже предприняты меры, чтобы не опоздать и вовремя перейти на частную службу. Вам, вероятно, уже известно, что только на ней или при торговле и можно существовать в Москве. И мое, так сказать, казенное место было хорошо лишь постольку, поскольку я мог получить на нем около 1-го милл. за прошлый месяц. На казенной службе платят туго и с опозданием, и поэтому дальше одним таким местом жить нельзя. Я предпринимаю попытки к поступлению в льняной трест. Кроме того, вчера я получил приглашение пока еще на невыясненных условиях в открывающуюся промышленную газету. Дело настоящее коммерческое, и меня пробуют. Вчера и сегодня я, т. [ак] ск. [азать], держал экзамен. Завтра должны выдать 1/2 милл. аванса. Это будет означать, что меня оценили и, возможно тогда, что я получу заведывание хроникой. Итак, лен, промышленная газета и частная работа (случайная), вот что предстоит. Путь поисков труда и специальность, намеченные мной еще в Киеве, оказались совершенно правильными. В другой специальности работать нельзя.

Это означало бы, в лучшем случае, голодовку.

Труден будет конец ноября и декабрь, как раз момент перехода на частные предприятия. Но я рассчитываю на огромное количество моих знакомств и теперь уже с полным правом на энергию, которую пришлось проявить volens–no lens. Знакомств масса и журнальных, и театральных, и деловых просто. Это много значит в теперешней Москве, которая переходит к новой, невиданной в ней давно уже жизни – яростной конкуренции, беготне, проявлению инициативы и т. д. Вне такой жизни жить нельзя, иначе погибнешь. В числе погибших быть не желаю.

Таська ищет места продавщицы, что очень трудно, п. [отому] ч. [то] вся Москва еще голая, разутая и торгует эфемерно, большей частью своими силами и средствами, своими немногими людьми. Бедной Таське приходится изошряться изо всех сил, чтобы молотить рожь на обухе и готовить из всякой ерунды обеда. Но она молодец! Одним словом, бьемся оба как рыбы об лед. Самое главное, лишь бы была крыша. Комната Андрея – мое спасение. С приездом Нади вопрос этот, конечно, грозно осложнится. Но я об этом пока не думаю, стараюсь не думать, п. [отому] ч. [то] и так мой день есть день тяжких забот.

* * *

В Москве считают только на сотни тысяч и миллионы. Черный хлеб 4600 р. фунт, белый 14 000. И цена растет и растет! Магазины полны товаров, но что ж купишь! Театры полны, но вчера, когда я проходил по делу мимо Большого (я теперь уже не мыслю, как можно идти не по делу!), барышники продавали билеты по 75, 100, 150 т. руб.! В Москве есть все: обувь, материи, мясо икра, консервы, деликатесы – все! Открываются кафе, растут как грибы. И всюду сотни, сотни! Сотни!! Гудит спекулянтская волна.

Я мечтаю только об одном: пережить зиму, не сорваться на декабре, который будет, надо полагать, самым трудным месяцем. Таськина помощь для меня не поддается

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
учету: при огромных расстояниях, которые мне приходится ежедневно пробегать (буквально) по Москве, она спасает мне массу энергии и сил, кормя меня, и оставляет мне лишь то, что уж сама не может сделать: колку дров по вечерам и таскание картошки по утрам. Оба мы носимся по Москве в своих пальтишках. Я поэтому хожу как-то одним боком вперед (продувает почему-то левую сторону). Мечтаю добыть Татьяне теплую обувь. У нее ни черта нет, кроме туфель.

Но авось! Лишь бы комната и здоровье!

* * *

Не знаю, интересно ли Вам столь подробное описание Москвы и достаточно ли оно понятно для Вас, киевлян.

Пишу это все еще с той целью, чтобы показать, в каких условиях мне приходится осуществлять свою *idée-fixe*. А заключается она в том, чтоб в 3 года восстановить норму – квартиру, одежду и книги. Удастся ли – увидим.

Не буду писать, п.[отому] ч.[то] Вы не поверите, насколько мы с Таськой стали хозяйственны. Бережем каждое полено дров.

Такова школа жизни.

По ночам урывками пишу «Записки земск.[ого]... вр.[ача]». Может выйти солидная вещь. Обрабатываю «Недуг». Но времени, времени нет! Вот, что больно для меня!

Наде

Просьба, передайте Наде (не в силах писать отдельно – сплю!), нужен весь материал для исторической драмы – все, что касается Николая и Распутина в период 16 и 17-го годов (убийство и переворот).

Газеты, описание дворца, мемуары, а больше всего «Дневник» Пуришкевича – до зарезу!

Описание костюмов, портреты, воспоминания и т. д. Она поймет!

Лелею мысль создать грандиозную драму в 5 актах к концу 22-го года. Уже готовы некоторые наброски и планы. Мысль меня увлекает безумно. В Москве нет «Дневника». Просите Надю достать, во что бы то ни стало! Если это письмо застанет ее перед отъездом, прошу ее привезти материалы с собой. Если уж она останется в Киеве, подождать Рождества и приезда Коли Гладыревского, скопить материал и прислать с ним. А может, и раньше будет верная оказия.

Конечно, при той иссушающей работе, которую я веду, мне никогда не удастся написать ничего путного, но дорога хоть мечта и работа над ней. Если «Дневник» попадет в руки ей временно, прошу немедленно теперь же списать дословно из него все, что касается убийства с граммофоном, заговора Феликса и Пуришкевича, докладов Пур.[ишкевича] Николаю, личности Николая Михайловича, и послать мне в письмах (я думаю, можно? Озаглавив «Материал драмы»?). Может, это и неловко – просить ее, обременять этим, но она поймет. В Румянцевском музее нет комплектов газет 17 г.!! Очень прошу.

Дядя Коля и дядя Миша здоровы, живут хорошо. Лилю ни разу не видел. Земск.[ие] хорошо.

Целую Вас, дорогая мама, крепко. Тася также.

Всех целуем. Михаил.

P. S. Самым моим приятным воспоминанием за последнее время является – угадайте, что?

Как я спал у Вас на диване и пил чай с французскими булками. Дорого бы дал, чтоб хоть на два дня опять так лечь, напившись чаю, и ни о чем не думать. Так сильно устал.

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Ивана Павловича целую крепко.

Косте:

пора написать письмо!

Пишите по адресу: Садовая, 10, кв. 50.

М. А. Булгаков – Н. А. Булгаковой-Земской

I

19–21

XII

Милая Надя,

чего же ты не пишешь? Одно время пережил натиск со стороны компании из конторы нашего милого дома. «Да А. [ндрей] М. [ихайлович] триста шестьдесят пять дней не бывает. Нужно его выписать. И вы тоже неизвестно откуда взялись»... и т. д. и т. д.

Не вступая ни в какую войну, дипломатически вынес в достаточной степени наглый и развязный тон в особенности со стороны С. зрителя. По-видимому, отцепились. А. настоял не выписывать. Так что, пока что, все по-прежнему. С. довел меня до белого каления, но я сдерживаюсь, п. [отому] ч. [то] не чувствую, на твердой ли я почве. Одним словом, пока отцепились.

* * *

Я заведываю хроникой «Торг. Пром. Вестн. [ика] », и если сойду с ума, то именно из-за него. Представляешь, что значит пустить частную газету?! Во 2 № должна пойти статья Бориса. Об авиации в промышленности, о кубатуре, штабелях и т. под. и т. под. Я совершенно ошалел. А бумага!! А если мы не достанем объявлений? А хроника!!! А цена!! Целый день как в котле.

Написал фельетон «Евгений Онегин» в «Экран» (Театр. журнал). Не приняли.

Написал посвященн. [ый] Некрасову художественный фельетон «Муза мести». Приняли в Бюро худ. фельет. при Г. П. П. Заплатили 100. Сдали в «Вестник Искусств», который должен выйти при Тео Г. П. П. Заранее знаю, что или не выйдет журнал, или же «Музу» в последн. [ий] момент кто-нибудь найдет не в духе... и т. д. Хаос.

Не удивляйся дикой небрежности письма. Это не нарочно, а потому что буквально до смерти устаю. Махнул рукой на все. Ни о каком писании не думаю. Счастлив только тогда, когда Таська поит меня горячим чаем. Питаемся мы с ней неизмеримо лучше, чем вначале. Хотел написать тебе длинное письмо с описанием Москвы, но вот что вышло...

Целую, Михаил

Андрея поцелуй.

Передай Косте прилагаемое письмо.

Москва

13

19–22

I

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Дорогая Надя, сегодня «Вестник» получил твою корреспонденцию о рыночных ценах на 31 декабря, и тотчас же я настоял, чтобы редактор перевел тебе 50 тысяч. Это сделано. И одновременно с корреспонденцией меня постиг удар, значение которого ты оценишь сразу и о котором я тебе пишу конфиденциально. Редактор сообщил мне, что под тяжестью внешних условий «Вестн.[ик]» горит. Ред.[актор] говорит, что шансы еще есть, но я твердо знаю, что он не переживет 7-го №. Finita! Вот этим объясняется малая величина посланной тебе суммы. Если бы не это, я надеюсь, что сумел бы ее увеличить.

Итак: до получения от меня следующего письма, в котором я сообщу окончательное положение дел, ты еще прокорреспондируй (на мой личный адрес), но не трать много денег на бандероли. [9] Сведи расход до минимума. Через два дня дело будет ясно.

В этом письме посылаю тебе корреспонденцию «Торговый ренессанс». Я надеюсь, что ты не откажешь (взамен и я постараюсь быть полезным тебе в Москве) отправиться в любую из киевских газет по твоему вкусу (предпочтительно большую ежедневную) и предложить ее срочно.

Результаты могут быть следующие:

1) ее не примут, 2) ее примут, 3) примут и заинтересуются. О первом случае говорить нечего. Если второе, получи по ставкам редакции гонорар и переведи его мне, удержав в свое пользование из него сумму, по твоему расчету необходимую тебе на почтовые и всякие иные расходы при корреспонденциях и делах со мной (полное твоё усмотрение).

Если же 3, предложи меня в качестве столичного корреспондента по каким угодно им вопросам, или же для подвального [10] художественного фельетона о Москве. Пусть вышлют приглашение и аванс. Скажи им, что я завед. хроникой в «Вестнике», профессиональный журналист. Если напечатают «Ренессанс», пришли заказной бандеролью два №.

Я надеюсь, что ты извинишь меня за беспокойство. Хотел бы тебе написать еще многое, помимо этих скучных дел, которыми я вдобавок тебя и беспокою (единственно, что меня утешает, это мысль, что я так или иначе сумею тебе возместить хлопоты в скором времени), ты поймешь, что я должен испытывать сегодня, вылетая вместе с «Вестн.[иком]» в трубу.

Одним словом, раздавлен.

А то бы я описал тебе, как у меня в комнате в течение ночи под сочельник и в сочельник шел с потолка дождь.

Целую всех, Михаил

Сведения для Киевской газеты: Зав. хроникой «Вестника», журналист, б. секретарь Лито Главполитпросвета, подписываю псевдонимом Булл. Если же они завяжут со мной сношения, сообщи им адрес, имя, отчество и фамилию для денежных переводов и корреспонденции. Словом, как полагается.

Извини за неряшливое письмо.

Писал ночью, так же как и «Ренессанс». Накорябал на скорую руку черт знает что. Противно читать.

Переутомился я до того, что дальше некуда.

Письма Е. С. Булгаковой

ПИСЬМА М. А. БУЛГАКОВА – Е. С. БУЛГАКОВОЙ

Из Москвы в Лебедянь

27.V.38

Дорогая Люсенька, целую тебя крепко!

Одно беспокоит, как-то ты высадилась со своею свитой? Жива ли, здорова ли после этого поезда?

Думал, что сегодня будет телеграмма, но Настя говорит: «Какая телеграмма? Они по базару ходят».

Провожал твой поезд джаз в рупоре над вокзалом. Награжденный Евгений задумчиво считал деньгу у нас на диване, обедал у меня, писал Насте письма.

Вечером – в Большом сцена Сусанина в лесу, потом у Якова Леонтьевича. Ночью – Пилат. Ах, какой трудный, путанный материал! Это – вчера. А сегодняшний день, опасаюсь, определяет стиль моего лета.

В 11 час. утра Соловьев с либреттистом (режиссер Иванов). Два часа утомительнейшей беседы со всякими головоломками. Затем пошел телефон: Мордвинов о Потоцком, композитор Юровский о своем «Опанасе», Ольга о переписке романа, Евгений, приглашающий себя ко мне на завтра на обед. Городецкий все о том же «Опанасе».

Между всем этим Сережа Ерм[олинский]. Прошлись с ним, потом он обедал у меня. Взял старые журналы, пригласил к себе на дачу, говорили о тебе.

Вечером Пилат. Мало плодотворно. Соловьев вышиб из седла. Есть один провал в материале. Хорошо, что не во второй главе. Надеюсь, успею заполнить его между перепиской.

Интересное письмо (конечно, на Пироговскую 35а, кв. 6!) из архива Горького.

«По имеющимся у нас сведениям (?!) у вас должны быть автографы Алексея Максимовича...», так вот, мол, передайте их в архив. Завтра напишу, что сведения эти не основательны и автографов Горького у меня нет.

Ну, вот и ночь. Устал. В ванне шумит вода. Пора спать.

Целую тебя, мой друг. Умоляю, отдыхай. Не думай ни о театрах, ни о Немировиче, ни о драматургах, ничего не читай, кроме засаленных и растрепанных переводных романов (а может, в Лебеядни и их нет?).

Пусть лебеяднское солнце над тобой будет как подсолнух, а подсолнух (если есть в лебеядни!) как солнце.

Твой М.

Поцелуй Сергея, скажи, что я ему поручаю тебя беречь!

2-го июня 38 года

Днем

Дорогая моя Лю!

Прежде всего ты видишь в углу наклеенное изображение дамы, или, точнее, кусочек этой дамы, спасенный мною от уничтожения. [11] Я думаю постоянно об этой даме, а чтобы мне удобнее было думать, держу такие кусочки перед собою.

Буду разделять такими черточками письмо, а то иначе не справлюсь – так много накопилось всего.

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Начнем о романе. Почти 1/3, как писал в открытке, перепечатано. Нужно отдать справедливость Ольге, она работает хорошо. Мы пишем помногу часов подряд, и в голове тихий стон утомления, но это утомление правильное, не мучительное.

Итак, все, казалось бы, хорошо, и вдруг из кулисы на сцену выходит один из злых гениев...

Со свойственной тебе пронизательностью ты немедленно воскликнешь:

– Немирович!

И ты совершенно права. Это именно он.

Дело в том, что, как я говорил и знал, все рассказы сестренки о том, как ему худо, как врачи скрывают... и прочее такое же – чушь собачья и самые пошлые враки карлсбадско-мариенбадского порядка.

Он здоров, как гоголевский каретник, и в Барвихе изнывает от праздности, теребя Ольгу всякой ерундой.

Окончательно расстроившись в Барвихе, где нет ни Астории, ни актрис и актеров и прочего, начал угрожать своим явлением в Москве 7-го. И сестренка уже заявила победоносно, что теперь начнутся сбои в работе.

Этого мало: к этому добавила, пылая от счастья, что, может быть, он «увлечет ее 15-го в Ленинград».

Хорошо бы было, если б Воланд залетел в Барвиху! Увы, это бывает только в романе!

Остановка переписки – гроб!

Я потеряю связи, нить правки, всю слаженность.

Переписку нужно закончить, во что бы то ни стало.

У меня уже лихорадочно работает голова над вопросом, где взять переписчицу. И взять ее, конечно, и негде и невозможно.

Роман нужно окончить! Теперь! Теперь!

Со всей настойчивостью прошу тебя ни одного слова не писать Ольге о переписке и о сбое. Иначе – она окончательно отравит мне жизнь грубостями, «червем – яблоком», вопросами о том, не думаю ли я, что «я – один», воплями «Владимир Иванович!!», «Пых...пых» и другими штуками из ее арсенала, который тебе хорошо известен.

А я уже за эти дни насытился. Итак, если ты не хочешь, чтобы она села верхом на мою душу, ни одного слова о переписке. Сейчас мне нужна эта душа полностью для романа.

В особенно восторженном настроении находясь, называет Немировича «Этот старый циник!», заливаясь счастливым смешком.

Вот стиль, от которого тошно!

Эх, я писал тебе, чтобы ты не думала о театре и Немирове, а сам о нем. Но можно ли было думать, что и роману он сумеет причинить вред. Но ничего, ничего, не расстраивайся – я окончу роман. Спешу отдать Насте письмо. Продолжение последует немедленно.

Твой М.

3-го июня 38 г.

Днем

«Подсолнечник. (Helianthus)

Хорошее медоносное растение».

Из Брокгауза. [12]

Дорогая Люси!

Очень рад, что ты заинтересовалась естественной историей. Посылаю тебе эту справку из словаря. Ты ведь всегда была любознательна!

Да, роман... Руки у меня невыносимо чешутся описать атмосферу, в которой он переходит на машинные листы, но, к сожалению, приходится от этого отказаться! А то бы я тебя немного поразвлек!

Одно могу сказать, что мною самим выдуманные лакированные ботфорты, кладовка с ветчиной и faux pas в этой кладовке теперь для меня утвердившаяся реальность. Иначе просто грустно было бы!

Ты спрашиваешь печально: «Неужели действительно за один день столько ненужных и отвлекающих звонков?» Как же, Дундик, недействительно? Раз я пишу, значит действительно. Могу к этому добавить в другой день еще Мокроусова (Композитор? Ты не знаешь), о каком-то либретто у Станиславского, и разное другое.

Привык я делиться с тобою своим грузом, вот и пишу! А много накопилось, пишу, как подвернется, вразбивку. Но уж ты разберешься.

Шикарная фраза: «Тебе бы следовало показать роман Владимиру Ивановичу». (Это в минуту особенно охватившей растерянности и задумчивости.)

Как же, как же! Я прямо горю нетерпением роман филистеру показывать.

Куквик. [13] Одно место в твоём письме от 31-го потрясло меня. Об автографах. Перекрестись, Ключик! [14] Ты меня так смутила, что я, твердо зная, что у меня нет не то что строчки горьковской, а даже буквы, собирался производить бесполезную работу – рыться в замятинских и вересаевских письмах, ища среди них Горького, которого в помине не было!

У меня нет автографов Горького, повторяю! А если бы они были, зачем бы я стал отвечать, что их нет? Я бы охотно сдал их в музей! Я же не коллекционер автографов.

Тебе, кукочка, [15] изменила память, а выходит неудобно: я тебе пишу, что их нет, а ты мне, что они есть!

Это Коровьев или кот подшутил над тобой. Это регентовская работа!

Не будем к этой теме возвращаться. И так много о чем писать!

Прости! Вот она – Ольга из Барвихи. Целую руки!

Твой М. [16]

14.VI.38

Вечером

Дорогая Люси! [17]

Сегодня от тебя письмо (12-го), открытка (13-го) и сегодняшняя телеграмма. Целую тебя крепко! Лю! Три раза тебе купаться нельзя! Сиди в тени и не изнуряй себя базаром. Яйца купят и без тебя! Ку! Ни стрихнина, ни мышьяка не надо. Любишься [18] круглым пейзажем, вспоминай меня. Много не расхаживай. Значит, здоровье твое в порядке? Ответь!

Вот что интересно: почему Сергей не ответил на мое письмо с пометкой – «Секретное, одному Сергею», где я поручил ему сообщить его мнение о твоём здоровье? Неужели он его не получил?

Желая тебя развлечь, посылаю тебе бытовые сценки:

I

Бабка. Звать Настасью на ... экскурсию.

II

Старуха Прасковья, которая у нас служила. Требовала какие-то ее сковородки, которые она «вложила в наше хозяйство, чтобы они промаслились». Разговаривала с Настасьей, так как я в это время был занят телефоном.

III

А. П. (отдельвая ноготь). Елена Сергеевна еще не соскучилась по дому?

Я (курая, задумчиво). Да, ведь она несколько дней всего, как уехала. Пусть отдыхает.

А. П. (глядя исподлобья). Нет... как же... (пауза) Л. К. кланялась, велела сказать, что на днях придет к вам ночевать.

Я. Это очень любезно. (Помолчав и представив себе картину – я разговариваю с Дмитриевым, Настасья спит у Сергея, а на рояле спит старуха.) Кланяйтесь ей! (Про себя.) Это надо пресечь!..

IV

Отчаянные крики Л. К. в телефон: «Поздравляю! Поздравляю! Поздравляю! Телеграмму послали?!»

Берусь за сердце. Чудо? «Бег»? «Что такое, Л. К.?»

Крики усиливаются: «Константина! Константина! Константина и Елены! Телеграмму!»

«Ах, вы говорите про именины? Да ведь они уже были недавно. Я поздравлял!»

Вопли: «Нет! Телеграмму! Нет! Не было константина! Не было! Константина! Телеграмму! От меня тоже! Константина!»

«Л. К.! А. П. передавала, что вы хотели прийти ночевать? Зачем вам беспокоиться?»

Внезапное гробовое молчание в трубке. Потом крайне смущенный и раздраженный голос: «Это А. П. все врет. Ходит по квартирам и врет на меня... Если вы меня вызываете, это другое дело!»

V

Sist. (радостно, торжественно). Я написала Владимиру Ивановичу о том, что ты страшно был польщен тем, что Владимир Иванович тебе передал поклон.

Далее скандал, устроенный мною. Требование не сметь писать от моего имени того, чего я не говорил. Сообщение о том, что я не польщен. Напоминание о включении меня без предупреждения в турбинское поздравление, посланное из Ленинграда Немировичу.

Дикое ошеломление S. от того, что не она, а ей впервые в жизни устроили скандал. Бормотание о том, что я «не понял!» и что она может «показать копию».

VI

Sist. (деловым голосом). Я уже послала Жене письмо о том, что я пока еще не вижу главной линии в твоём романе.

я (глухо). Это зачем?

Sist. (не замечая тяжкого взгляда). Ну, да! То есть, я не говорю, что ее не будет. Ведь я еще не дошла до конца. Но пока я ее не вижу.

я (про себя) . . . . . !

15.VI

Утром

Ку! [19] Я слышал, что ты держалась обыкновения сжигать письма. Если ты теперь отступила от этого обычая, то, во всяком случае, я надеюсь, что мои писания не лежат на буфете рядом с яйцами? Мое желание – беседовать с тобою одной. Кстати: непонятное молчание Сергея наводит меня на мысль о том, все ли мои письма получены. Например, письмо с маленькой выпиской из словаря о Хелиантусе? Ответь. [20]

Передо мною 327 машинных страниц (около 22 глав). Если буду здоров, скоро переписка закончится. Останется самое важное – корректура (авторская), большая, сложная, внимательная, возможно с перепиской некоторых страниц.

«Что будет?» – ты спрашиваешь. Не знаю. Вероятно, ты уложишь его в бюро или в шкаф, где лежат убитые мои пьесы, и иногда будешь вспоминать о нем. Впрочем, мы не знаем нашего будущего.

Свой суд над этой вещью я уже совершил, и, если мне удастся еще немного приподнять конец, я буду считать, что вещь заслуживает корректуры и того, чтобы быть уложенной в тьму ящика.

Теперь меня интересует твой суд, а буду ли я знать суд читателей, никому неизвестно.

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Моя уважаемая переписчица очень помогла мне в том, чтобы мое суждение о вещи было самым строгим. На протяжении 327 страниц она улыбнулась один раз на странице 245-й («Славное море...»). Почему это именно ее насмешило, не знаю. Не уверен в том, что ей удастся разыскать какую-то главную линию в романе, но зато уверен в том, что полное неодобрение этой вещи с ее стороны обеспечено. Что и получило выражение в загадочной фразе: «Этот роман – твое частное дело»(?!). Вероятно, этим она хотела сказать, что она не виновата.

Воображаю, что она будет нести в Лебедяни, и не могу вообразить, что уже несет в письмах!

Ку! Нежно целую тебя за приглашение и заботы. Единственное радостное мечтание у меня – это повидать тебя, и для этого я все постараюсь сделать. Но удастся ли это сделать, не ручаюсь. Дело в том, Ку, что я стал плохо себя чувствовать и, если будет так, как, например, сегодня и вчера, то вряд ли состоится мой выезд. Я не хотел тебе об этом писать, но нельзя не писать. Но я надеюсь, что все-таки мне станет лучше, тогда попробую.

О том, чтобы Женя меня сопровождал, даже не толкуй. Это меня только утомит еще больше, а ты, очевидно, не представляешь себе, что тебе принесет ослепительное сочетание – Сережка, Санька и Женька, который, несомненно, застрянет в Лебедяни. Нет, уж ты себе отдых не срывай.

Остальное придумано мудро: обедать вместе с компанией – нет! нет! А с S. – даже речи быть не может. Пусть Аззелло с S. обедает!

Ах, чертова колонка! Но, конечно, и разговору не пойдет о том, чтобы я вызывал Горликова или вообще возился бы с какими-нибудь житейскими делами. Не могу ни с кем разговаривать.

Эх, Кука, тебе издалека не видно, что с твоим мужем сделал после страшной литературной жизни последний законченный роман.

Целую крепко!

Твой М. [21]

22.VI.38

Дорогая Люси!

Твои письма и открытки получены.

Купик дорогой! Первым долгом плюнь ты на эту колонку! Мне Настасья ничуть не поможет, если на мою голову приведет Горликова! Привести я его и сам могу, а разговаривать с ним не могу (колонку надо ставить новую, по-видимому).

Вообще, не думай, друг мой, что письмами издалека можно что-нибудь наладить. Ничего из этого не выйдет, поэтому не ломай головы над пустяками. Занимайся Жемчужниковым! [22]

О нездоровьи своем я написал лишь потому, чтобы объяснить тебе, что я, может

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
быть, не в состоянии буду выехать в Лебедянь.

Но ради всего святого, не придумывай ты мне провозных! Пощади! То был Евгений!
Теперь – Лолли!! Ничего они мне не помогут, а только помешают этой поездке!

Сегодня вечером меня будет смотреть Марк Леопольдович. Тогда все станет пояснее.

Стенограмма:

S. (тревожно). Ну! Ну! Ну! Что ты нудишься?

я. Ничего... болит...

S. (грозно). Ну! Ну! Ну! Ты не вздумай Люсе об этом написать!

я. А почему?.. Не вздумай?

S. Ну, да! Ты напишешь, Люся моментально прилетит в Москву, а мы тогда что будем
делать в Лебедяни! Нет, уж ты, пожалуйста, потерпи!

У меня сделалась какая-то постоянная боль в груди внизу. Может быть, это
несерьезное что-нибудь.

Ты недоумеваешь, когда S. говорит правду? Могу тебе помочь в этом вопросе: она
никогда не говорит правды.

В частном данном случае вранье заключается в письмах. Причем это вранье вроде
рассказа Бегемота о съеденном тигре, то есть вранье от первого до последнего
слова.

Причина: зная твоё отношение к роману, она отнюдь не намерена испортить себе
вдрызг отдых под яблоней в саду. Я же ей безопасен, поэтому горькая истина сама
собою встанет в Москве.

Но зато уж и истина!!

К сожалению, лишен возможности привести такие перлы, из которых каждый стоит
денег (и, боюсь, очень больших денег!).

Но довольно об этом! Один лишь дам тебе дружеский совет: если тебя интересует
произведение, о котором идет речь (я уже на него смотрю с тихой грустью), сведи
разговоры о нем к нулю. Бог с ними! Пусть эти разговоры S. заменит
семейно-фальшивым хохотом, восторгами по поводу природы и всякой театральной
чужью собачьей. Seriously советую.

Вообще, я тут насмотрелся и наслушался.

Ку! Какая там авторская корректура в Лебедяни! Да и «Дон-Кихот» навряд ли. О
машинке я и подумать не могу!

Если мне удастся приехать, то на короткий срок. Причем не только писать
что-нибудь, но даже читать я ничего не способен. Мне нужен абсолютный покой
(твое выражение, и оно мне понравилось). Да, вот именно абсолютный! Никакого
«Дон-Кихота» я видеть сейчас не могу. [...] [23]

Целую прекрасную, очаровательную Елену!

Твой М.

Р. С. Вот роман! Сейчас стал рвать ненужную бумагу и, глядь, разорвал твое письмо!! Нежно склею. Целую. [24]

Комментарии

Письма правительству.

Опубликовано: Октябрь. 1987. № 6. Печатается по текстам машинописных копий и черновиков-автографов, хранящихся в архиве писателя (ОР ГБЛ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 20, 30, 33).

О письме от 28 марта 1930 г. и о событиях, за ним следовавших, есть два свидетельства, во многом противоречащие друг другу. Л. Е. Белозерская в своих воспоминаниях, написанных в конце 60-х годов, утверждает, что «подлинное письмо, во-первых, было коротким. Во-вторых, – за границу он не просился. В-третьих, – в письме не было никаких выпретенных выражений, никаких философских обобщений. Основная мысль булгаковского письма была очень проста: «Дайте писателю возможность писать. Объявив ему гражданскую смерть, вы толкаете его на самую крайнюю меру».

Вспомним хронику событий:

в 1925 году кончил самоубийством поэт Сергей Есенин;

в 1926 году – писатель Андрей Соболев;

в апреле 1930 года, когда обращение Булгакова, посланное в конце марта, было уже в руках Сталина, застрелился Владимир Маяковский. Ведь нехорошо бы получилось бы, если бы в том же году наложил на себя руки Михаил Булгаков? (...) Однажды, совершенно неожиданно, раздался телефонный звонок. Звонил из Центрального Комитета партии секретарь Сталина Товстуха. К телефону подошла я и позвала Михаила Афанасьевича, а сама занялась домашними делами. Михаил Афанасьевич взял трубку и вскоре так громко и нервно крикнул «Любаша!», что я опрометью бросилась к телефону (у нас были отводные от аппарата наушники).

На проводе был Сталин. Он говорил глуховатым голосом, с явным грузинским акцентом и себя называл в третьем лице. «Сталин получил, Сталин прочел...» (...) Он предложил Булгакову:

– Может быть, вы хотите уехать за границу?

(Незадолго перед этим по просьбе Горького был выпущен за границу писатель Евгений Замятин с женой.) Но Михаил Афанасьевич предпочел остаться в Союзе».

Е. С. Булгакова в 1956 г. занесла в дневник иную версию событий: «...Он написал письмо правительству. Сколько помню, разносили мы их (печатала ему эти письма я, несмотря на жестокое противодействие Шиловского) по семи адресам. Кажется, адресатами были: Сталин, Молотов, Каганович, Калинин, Ягода, Бубнов (нарком тогда просвещения) и Ф. Кон. Письмо в окончательной форме было написано 28, а разносили мы его 31 и 1 апреля». Прошло более двух недель, и вот «18 апреля, часов в 6–7 вечера, он прибежал, взволнованный, в нашу квартиру (с Шиловским) на Бол. Ржевском и рассказал следующее. Он лег после обеда, как всегда, спать, но тут же раздался телефонный звонок и Люба его позвала, сказав, что из ЦК спрашивают. Михаил Афанасьевич не поверил, решил, что это розыгрыш (тогда это проделывалось), и, взъерошенный, раздраженный, взялся за трубку и услышал:

– Михаил Афанасьевич Булгаков?

– Да, да.

– Сейчас с Вами товарищ Сталин будет говорить.

– Что? Сталин? Сталин?

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
И тут же услышал голос с явно грузинским акцентом:

– Да, с Вами Сталин говорит. Здравствуйте, товарищ Булгаков (или Михаил Афанасьевич – не помню точно).

– Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

– Мы Ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь... А может быть, правда – Вы проситесь за границу? Что, мы Вам очень надоели?

(Михаил Афанасьевич сказал, что он настолько не ожидал подобного вопроса (да он и звонка вообще не ожидал) – что растерялся и не сразу ответил):

– Я очень много думал в последнее время – может ли русский писатель жить вне родины. И мне кажется, что не может.

– Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?

– Да, я хотел. Но я говорил об этом, и мне отказали.

– А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с Вами.

– Да, да! Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с Вами поговорить.

– Да, нужно найти время и встретиться, обязательно. А теперь желаю Вам всего хорошего». (ОР ГБЛ, ф. 562, к. 29, ед. хр. 12). Позднее, в интервью, данном в 1967 г. радиостанции «Родина», Е. С. Булгакова несколько иначе изложила ход разговора Сталин – Булгаков: «... Сталин сказал: «Мы получили с товарищами Ваше письмо, и вы будете иметь по нему благоприятный результат. – Потом, помолчав, секунду, добавил: – Что, может быть, Вас правда отпустить за границу, мы Вам очень надоели?»

Это был неожиданный вопрос. Но Михаил Афанасьевич быстро ответил: «Я очень много думал над этим, и я понял, что русский писатель вне родины существовать не может». Сталин сказал: «Я тоже так думаю. Ну, что же тогда, поступите в театр? – «Да, я хотел бы». – «В какой же?» – «В Художественный. Но меня не принимают там». Сталин сказал: «Вы подайте еще раз заявление. Я думаю, что Вас примут». Через полчаса, наверное, раздался звонок из Художественного театра. Михаила Афанасьевича пригласили на работу».

Отметим, что в интервью, в отличие от дневниковой записи, Булгаков в разговоре не выглядит растерянным и на неожиданный вопрос собеседника отвечает быстро. Нет и предложения о встрече. Вообще, эта версия разговора, переданная Е. С. Булгаковой, оказывается гораздо ближе к рассказу Л. Е. Белозерской, не противоречит этому рассказу ни в каких существенных деталях. Что же касается вопроса о том, было ли отослано Сталину публикуемое здесь письмо от 28 марта 1930 г. или какой-то иной текст, ответить с уверенностью мы пока не можем. В нашем распоряжении имеется лишь авторизованная машинописная копия письма (или оригинал, в случае, если оно все же не было отправлено), подписанный Булгаковым первый экземпляр машинописи. Ни у одного из адресатов, указанных Е. С. Булгаковой, экземпляры булгаковского письма до сих пор не обнаружены. Это позволяет предположить, что письмо было отослано лишь в одном экземпляре – Сталину. Но что какое-то письмо правительству в марте 1930 г. было Булгаковым отправлено, не подлежит сомнению, поскольку в письме К. С. Станиславскому от 6 августа 1930 г. драматург отмечает: «И в письме моем к Правительству написано было так: «я прошусь в лучшую школу, возглавляемую мастерами К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко». Мое письмо было принято во внимание, и мне была дана возможность подать заявление в Художественный Театр и быть зачисленным в него» (ОР ГБЛ, ф. 562, к. 29, ед. хр. 34). Было ли письмо таким, каким мы его знаем сейчас, или, как утверждает Л. Е. Белозерская, гораздо более коротким, но в нем действительно содержалась просьба помочь в устройстве на работу в Художественный театр. Е. С. Булгакова настаивала, что известное нам письмо печаталось ею. Однако против этого говорит содержащаяся в тексте письма просьба отпустить его автора за границу вместе с женой, Л. Е. Белозерской. В случае удовлетворения этой просьбы связь с Еленой Сергеевной прервалась бы навсегда. Если же письмо все же действительно писалось при участии Е. С. Булгаковой, то

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
логично предположить, что всерьез вопрос о выезде за границу Булгаков тогда не рассматривал, а использовал подобную просьбу лишь как своеобразный ход, призванный помочь осуществлению его желания работать в Художественном театре.

О злключениях писателя, связанных с получением заграничных паспортов, о которых говорится в письме Сталину от 10 июня 1934 г., сохранился подробный рассказ Е. С. Булгаковой: «Первая глава будущей книги путешествий (отрывок «Был месяц май...» – Б. М., Б. С.) была написана (продиктована мне) 17 мая 1934 года сразу же после прихода домой в Нащокинский переулок из АОМСа (Административного отдела Московского Совета), куда мы были вызваны для получения заграничных паспортов, – после того, как Михаил Афанасьевич написал просьбу о них на имя А. С. Енукидзе. 17 мая по телефону некий т. Борисполец сказал Михаилу Афанасьевичу, чтобы мы пришли, взяв с собой наши паспорта и фотокарточки для получения заграничных паспортов. В АОМСе он встретил нас любезно, подтвердил сказанное, дал анкеты для заполнения, сказал, что мы получим валюту. Перед ним на столе лежали два красных паспорта. Когда мы заполняли анкеты, в комнату вошли двое: женщина и мужчина. Меня очень смешил Михаил Афанасьевич во время заполнения анкеты, по своему обыкновению. Те пришедшие присматривались внимательно, как мы сообразили потом.

Паспортов нам Борисполец не выдал; «паспортистка ушла», – сказал. Перенес на 19-е. С 19-го на 20-е и т. д. Через несколько дней, в начале июня, кажется 7-го, в МХАТе от Ивана Сергеевича, который привез всем мхатовцам гору паспортов, мы получили две маленькие бумажки – отказ.

На улице Михаилу Афанасьевичу стало плохо, я довела его до аптеки. Там его уложили, дали капли. На улице стоял Безыменский около своей машины. «Ни за что не попрошу», – подумала я. Подъехала свободная машина, и на ней я отвезла Мишу домой. Потом он долго болел, у него появился страх пространства и смерти...» (ОР ГБЛ, ф. 562, к. 5, ед. хр. 1).

Сам Булгаков в письме В. В. Вересаеву от 11 июля 1934 г. так рассказал о событиях, связанных с несостоявшейся заграничной поездкой и письмом Сталину: «...Самые трезвые люди на свете – это наши мхатчики. Они ни в какие розы и дожди не веруют. Вообразите, они уверовали в то, что Булгаков едет. Значит же, дело серьезно! Настолько уверовали, что в список мхатчиков, которые должны были получить паспорта (а в этом году как раз их едет очень много), включили и меня с Еленой Сергеевной. Дали список курьеру катись за паспортами.

Он покатился и прикатился. Физиономия мне его сразу настолько не понравилась, что не успел он еще рта раскрыть, как я уже взялся за сердце.

Словом, он привез паспорта всем, а мне беленькую бумажку – М. А. Булгакову отказано.

Об Елене Сергеевне даже и бумажки никакой не было. Очевидно, баба, Елизавета Воробей! О ней нечего и разговаривать!

Впечатление? Оно было грандиозно, клянусь русской литературой! Пожалуй, правильной всего все происшедшее сравнить с крушением курьерского поезда. Правильно пущенный, хорошо снаряженный поезд, при открытом семафоре, вышел на перегон – и под откос!

Выбрался я из-под обломков в таком виде, что неприятно было глядеть на меня. (...)

Перед отъездом (в Ленинград на гастроли МХАТ. – Б. М., Б. С.) я написал генсеку письмо, в котором изложил все происшедшее, сообщал, что за границей не останусь, а вернусь в срок, и просил пересмотреть дело... Ответа нет. Впрочем, поручиться, что мое письмо дошло по назначению, я не могу».

Письма к П. С. Попову

Опубликовано: письма от 26.X.1931 г.; 25.I.–24.II.; 14.IV; 21.IV; 24.IV.1932 г. – Театр. 1981. № 5; остальные – Новый мир. 1987. № 2. Печатается по автографам и машинописным копиям, сохранившимся в булгаковском архиве (ОР ГБЛ, ф. 562, к. 19, ед. хр. 29) и в архиве П. С. Попова (ОР ГБЛ, ф. 1269, к. 1, ед. хр. 4).

Павел Сергеевич Попов (1892–1964) – философ, литературовед и психолог, автор

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
работ о Платоне, Канте, Л. Н. Толстом по проблемам логики. Он был одним из самых близких друзей Булгакова со времени их знакомства в 1926 г. и до самой смерти писателя.

Упомянутый в письмах от 19, 27 марта, 14–21 и 30 апреля 1932 г. драматург, сорвавший постановку «Мольера» в Большом драматическом театре в Ленинграде, – это Вс. Вишневский, в то время работавший над «Оптимистической трагедией» и видевший в Булгакове – авторе пьес, пользовавшихся стойким зрительским успехом, не только идейного противника, но и опасного конкурента. Направленная против «Мольера» статья Вишневского «Кто же вы?» была опубликована: Красная газета (вечерний выпуск). 1931. 11 ноября, а статья с критикой «Дней Турбиных» «Театр и война»: Советское искусство, 1932. 21 февр.

«Рамзинское дело» – так называемый «процесс промпартии» – осуждение по ложным обвинениям во вредительстве и антисоветском заговоре группы инженеров во главе с Л. К. Рамзиным – видным советским теплотехником (1887–1948), позднее – лауреатом Государственной премии СССР (1943 г.).

Анна Ильинична – жена П. С. Попова, внучка Л. Н. Толстого.

Коля – Н. Н. Лямин, филолог, друг П. С. Попова и Булгакова.

Сахновский В. Г. (1886–1945) – режиссер, педагог.

Телешева Е. С. (1892–1943) – актриса, режиссер, педагог.

РАБИС – Всероссийский профессиональный союз работников искусств.

Гримаре – автор первой монографии о Мольере, изданной в 1705 г.

Депуа Е. – автор книги «Французский театр при Людовике XIV».

Писательский кооператив строился в Нащокинском переулке (ныне ул. Фурманова). Здание, в котором Булгаковы жили в 1934–1940 гг., до наших дней не сохранилось.

«Рецензия Т.» – отзыв А. Н. Тихонова, одного из издателей серии «ЖЗЛ», на рукопись романа о Мольере датирован 7 апреля 1933 г. Ответ А. М. Горького из Сорренто был отправлен 28 апреля 1933 г. и также оказался неблагоприятным для Булгакова.

Упомянутая в письме от 19.V.1933 г. «комедия для Ленинграда» – это пьеса «Блаженство», на которую Булгаков 18 мая 1933 г. заключил договор с ленинградским мюзик-холлом. Опубликовано: Звезда Востока. 1966. № 7.

Судаков И. Я. (1890–1969) – режиссер, артист.

Мордвинов Б. А. (1899–1953) – режиссер, артист.

«Пиквикский клуб» – инсценировка романа Диккенса Н. А. Венкстерн, которой дружески помогал Булгаков. Спектакль был впервые показан 1 декабря 1934 г. В нем Булгаков удачно дебютировал в роли судьи.

Пьеса В. М. Киршона, о которой идет речь в письме от 14.III.1934 г., была поставлена 22 мая 1934 г. на сцене филиала Художественного театра. Ее название – «Чудесный сплав».

Калужский Е. В. (1896–1966) – актер, в «Днях Турбиных» играл роль Студзинского.

Вайсфельд И. В. (р. 1909) – тогда заместитель директора кинофабрики, впоследствии – профессор ВГИКа.

Пырьев И. А. (1901–1968) – режиссер, собиравшийся снимать фильм по булгаковскому киносценарию «Мертвых душ». Договор на этот сценарий Булгаков заключил с Союзфильмом 31 марта 1934 г. Фильм так и не был поставлен. Варианты сценария опубликованы: Москва. 1978. № 1; Альманах киносценариев, 1987, № 4.

«Директор театра» в письме от 10.VII.1934 г. – Вольф В. Е. (1898–1959) – директор ленинградского Красного театра Госнардома, организатор и первый

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
руководитель Ленинградского театра имени Ленинского комсомола. Был арестован, чем и объясняется его неожиданное исчезновение (через полгода был реабилитирован).

Показательно упоминание о четвертом измерении (в связи со сложной пространственно-временной структурой романа «Мастер и Маргарита», над которым писатель работал в это время).

Горчаков Н. М. (1898–1958) – режиссер, работавший над постановкой «Мольера», позднее – педагог и театровед.

К. в письме от 14.III.1935 г. – актриса МХАТа Коренева Л. М. (1885–1982), игравшая в «Мольере» роль Мадлены.

Рецензия Литовского, упоминаемая в письме от 11.II.1936 г., – это статья председателя Главреперткома О. Литовского «Два спектакля» (о «Мольере» и «Федоре Иоанновиче»),

«Иван Васильевич» – комедия Булгакова, репетировавшаяся в Театре сатиры. Постановка не осуществилась. Опубликовано: Булгаков М. Драммы и комедии. М.: Искусство, 1965.

«Об Александре Сергеевиче стараюсь не думать» (из письма от 11.II.1936 г.) – речь идет о булгаковской пьесе «Пушкин» («Последние дни»). Окончена в 1935 г. Поставлена во МХАТе в 1943 г.

«...разорвал договор на перевод «Виндзорских». – 19 мая 1936 г. Булгаков заключил с МХАТОМ договор на перевод пьесы Шекспира «Виндзорские проказницы», но 15 сентября драматург расторг договор одновременно с заявлением об уходе из театра.

«...сегодня пьеса справляет свой десятилетний юбилей». – В написанном в тот же день, 5 октября 1936 г., письме директору Большого театра Я. Л. Леонтьеву Булгаков еще резче отзывался по поводу безрадостного юбилея: «Сегодня у меня праздник. Ровно десять лет тому назад совершилась премьера «Турбинных»... Сажу у чернильницы и жду, что откроется дверь и появится делегация от Станиславского и Немировича с адресом и ценным подношением. В адресе будут указаны все мои искалеченные или погубленные пьесы и приведен список всех радостей, которые они, Станиславский и Немирович, мне доставили за десять лет в Проезде Художественного театра. Ценное же подношение будет выражено в большой кастрюле какого-нибудь благородного металла (например, меди), наполненной той самой кровью, которую они выпили из меня за десять лет...»

«...после смерти «Мольера» (из письма от 29.I.1937 г.). – «Мольер» был снят после семи представлений, поскольку 9 марта 1936 г. в «Правде» появилась редакционная статья «Внешний блеск и фальшивое содержание» с острой критикой спектакля и пьесы.

«Архив графини Д.» – «Архив графини Д. Повесть в письмах». А. Н. Апухтина (1840–1893).

«Павлик Дольский» – «Дневник Павлика Дольского» – повесть А. Н. Апухтина.

В письме от 22 октября 1939 г. П. С. Попов рассказал Булгакову эпизод из биографии Апухтина, когда после авторского чтения повести «Архив графини Д.» в присутствии Александра III император рекомендовал ее быстрее опубликовать как острую сатиру на великосветское общество. Апухтин из этических соображений отказался это сделать. Об этом письме Попова Булгаков и упоминает в своем письме от 23.X.1939 г.

В письме от 24 января 1940 г. слово «мученья» исследователи В. В. Гудкова и М. О. Чудакова читают как «морозы».

Письма к родным и Е. С. Булгаковой

Письма к родным опубликованы: Известия АН СССР: Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 5. Письма к Е. С. Булгаковой опубликованы (полностью или во фрагментах): Октябрь. 1984. № 1. Печатаются: письма от 1.II.1921 и 16.II.1921 –

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru по тексту «Известий АН СССР», остальные – по автографам и машинописным копиям, сохранившимся в архиве писателя (ОР ГБЛ, ф. 562. к 19, ед. хр. 21 – письма родным, к 19, ед. хр. 6, 7 – письма Е. С. Булгаковой).

В письмах к родным упоминаются пьесы, написанные Булгаковым во Владикавказе: «Самооборона», «Глиняные женихи», «Братья Турбины», «Парижские коммунары». набросок «Недуг» – это, вероятно, ранняя редакция повести «Морфий».

Булгаков Константин Петрович – двоюродный брат писателя. Надежда Афанасьевна Земская – сестра писателя.

Андрей Михайлович Земской – муж Н. А. Земской, филолог. Николай Леонидович Гладыревский (1896–1973) – друг юности Булгакова, хирург. Иван Павлович Воскресенский – второй муж матери Булгакова. Николай Михайлович и Михаил Михайлович Покровские – дяди Булгакова, братья его матери, врачи.

В письмах Е. С. Булгаковой отражена работа над «Мастером и Маргаритой».

Ермолинский Сергей Александрович – драматург, близкий друг Булгакова.

Сергей и Евгений – сыновья Е. С. Булгаковой от брака с Е. Шиловским. Ольга – О. С. Бокшанская, сестра Е. С. Булгаковой, секретарь В. И. Немировича-Данченко. Е. В. Калужский – актер МХАТа, муж О. С. Бокшанской, В. В. Дмитриев – театральный художник. Лолли – Екатерина Ивановна Буш, немка, воспитательница детей Е. С. Булгаковой.

В письме от 15 июня 1938 г. слово «заветный» исследователи Л. М. Яновская и М. О. Чудакова читают как «закатный».

«Дон-Кихот» – пьеса Булгакова по роману М. Сервантеса. Написана в 1938 г. Поставлена 10 марта 1941 г. в Ленинградском академическом драматическом театре им. Пушкина. Опубликована: Бу л г а к о в М. Драмы и комедии. М.: Искусство, 1965.

При написании предисловия и комментариев были использованы следующие работы, в которых читатель может подробнее узнать о биографии и творчестве М. Булгакова: Г р е е в Д. А. Михаил Булгаков на берегах Терека. Орджоникидзе: Ир, 1980; Я н о в с к а я Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Сов. писатель, 1983; Ч у д а к о в а М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова// Москва, 1987. № 6, 7, 8.

Б. С. Мягков, Б. В. Соколов

Примечания

1

Текст, подчеркнутый Булгаковым в письмах, здесь и далее выделен полужирным шрифтом.

2

Вы ошибаетесь (фр.)

3

На этом сохранившаяся копия письма обрывается. (Примеч. сост.)

4

Письмо написано расплывающимися чернилами красноватого цвета. (Примеч. публикатора – Е. А. Земской.)

5

Письма. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

и что нужно снять с репертуара..! (отзыв скверный, хотя исходит единолично от какой-то второстепенной величины). (Примеч. авт.)

6

Здесь несколько строк неразборчиво. (Примеч. публикатора – Е. А. Земской.)

7

Оборот того листа, где вырезано несколько строк. (Примеч. публикатора – Е. А. Земской.)

8

Одно слово неразборчиво. (Примеч. сост.)

9

Простые, а не заказные, как я писал! (Примеч. авт.)

10

«Подвал» – низ газеты, в котором ставятся фельетоны. Впрочем, вероятно, ты знаешь. (Примеч. авт.)

11

Наклеен кусочек фотографии Е. С. Булгаковой. (Примеч. сост.)

12

Справка о подсолнечнике заключена Булгаковым в рамку. (Примеч. сост.)

13

Это слово залито тушью. (Примеч. сост.)

14

То же.

15

Это слово залито тушью. (Примеч. сост.)

16

На последней странице на полях надпись Булгакова: «Следующее письмо буду писать ночью». (Примеч. сост.)

17

На первой странице на полях надпись Булгакова: «В этом письме восемь страниц» (Примеч. сост.)

18

Часть письма, начиная со слова «Ку!» и кончая началом слова «Любуйся», залита тушью. (Примеч. сост.)

19

Это слово залито тушью. (Примеч. сост.)

20

На полях листа надпись Булгакова: «Ку, жду карточку с надписью!» (Примеч. сост.)

21

На последней странице на полях надпись Булгакова: «Як. Л. показывал мне расписание. Теперь есть удобный поезд с мягким вагоном? № 43 и обратно 44? Есть? Проверь». (Примеч. сост.)

22

Слово «занимайся» и большая часть фамилии «Жемчужников» залиты тушью. (Примеч. сост.)

23

Далее тушью вымарано три строки. Можно разобрать лишь начало первой фразы: «Вот только Жемчужниковым спасаюсь...» (Примеч. сост.)

24 на последней странице на полях надпись Булгакова: «В этом письме [шесть страниц] (ошибка) четыре страницы».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!